

Роман Суржиков

За краем

True science fiction

Роман Суржиков
За краем. True science fiction

«Издательские решения»

Суржиков Р.

За краем. True science fiction / Р. Суржиков — «Издательские решения»,

ISBN 978-5-44-854171-1

Сборник настоящей научной фантастики. Каждый рассказ — взгляд за край: обыденности, нашего мира, законов физики, возможностей человеческого разума.

ISBN 978-5-44-854171-1

© Суржиков Р.
© Издательские решения

Содержание

Девятая пространства	6
Разведчик	15
Круги на воде	20
На волосок от жизни	31
Букашки за стеклом	35
Новая	40
Полезное качество	46
Конец ознакомительного фрагмента.	48

За краем True science fiction

Роман Суржиков

© Роман Суржиков, 2017

ISBN 978-5-4485-4171-1

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero

Девятая пространства

Наше время

Мягким ударом Бекки отправляла мячик по привычному маршруту: двенадцать футов до противоположной стенки, отскок – и обратно. В конце мячик терял скорость и плавно вкатывался под подушечку лапы. Бекки накрывала его, выжидала какое-то время и вновь отталкивала игрушку от себя, чтобы кареглазым взглядом проследить его путь: двенадцать футов, отскок, двенадцать футов.

В циклическом движении мячика было нечто завораживающее, гипнотизирующее. Хьюго Шелби, наблюдавший эту игру уже не первую неделю, знал, что именно притягивало внимание. Мягкая трава, устилавшая пол вольера, не была идеально гладкой, а сквозь вентиляционные отверстия в стекле струился слабый поток воздуха. Из-за этого мяч чуть заметно уходил от траектории, смещался на дюйм-два то вправо, то влево. Эти случайные едва заметные отклонения отличали игру Бекки от холодной точности маятников и беспристрастной математики планет – да и от любого другого движения в этом мире.

Бесчисленные экскурсионные группы вели себя настолько одинаково, что Хьюго мог сопровождать их без помощи зрения и слуха. Первые три-четыре минуты из отпущенных двенадцати визитеры жадно рассматривали Бекки и гулким шепотом высказывали впечатления. Из их кучного бормотания выбивалось нечто вроде: «какая синяя!», «мама, а правда», «да просто кошка», «а я читал», – и всякий раз группа косилась на издавшего возглас. Затем люди замечали, что Бекки целиком поглощена монотонной игрой с мячом, а их экскурсионное присутствие ровным счетом ничего не меняет в мировосприятии знаменитости. Тогда голоса становились громче и приобретали ощутимый оттенок досады. Кто-нибудь обязательно спрашивал:

– Это что же, она все время так?

И Хьюго отвечал, например:

– Сэр, Ребекка – весьма обстоятельная леди. Она оставит мяч в покое лишь тогда, когда добьется от него идеального поведения.

Или говорил:

– В пять пополудни мисс Ребекка прервет свои занятия для обеда, а затем немного вздремнет, если плотная пища наведет ее на раздумья.

Но вскоре, к середине посещения, экскурсанты впадали в легкий транс. Вопреки логике, их взгляды фокусировались не на Бекки, а на игрушке под ее лапой, провожали, следили, погружались в действие. Разговоры гасли сами собой, и когда на двенадцатой минуте Хьюго осторожно произносил: «Леди и джентльмены, время визита, к великому сожалению, подошло к концу», – его голос звучал чуждо и неуместно.

Пятидесятидвухлетний Хьюго Шелби, высокий и худой, как жердь, с благородной проседью в висках, походил одновременно на дворецкого и полковника гвардии. Он состоял смотрителем зоологического музея при Натуроведческом институте Бирмингема.

Ребекка была красивым, изящным животным, слегка напоминавшим ягуара. Ее ультрамариновая шерсть искрилась так сильно, словно состояла из тончайших стеклянных игл. Ребекка не была переборчива в питании, но предпочитала мясу и молоку песок с марганцовой. Четыре часа в сутки она спала, остальное время посвящала игре с брызгами воды или скакалкой, или мячиком. Сородичей в земной фауне она не имела.

* * *

Кафе «Ромашка», дрейфующее на поверхности озера, имело неоспоримое достоинство: оно состояло из лепестков. Каждый лепесток представлял собой уютную кабинку с одним столиком, изолированную от остальных посетителей.

– Пять месяцев, доктор, – произнес полковник Хардинг, отставил кружку, вытер губы тыльной стороной ладони и веско повторил: – Пять месяцев. Это немалый срок.

– Я в курсе, полковник. Это на тридцать дней больше, чем четыре месяца. И?

– Что вы успели узнать об экземпляре?

– Ежедневно я шлю об этом отчеты своему начальству. По пути их перехватывает и читает также ваше начальство. Что-нибудь добавить?

Полковник Хардинг, начальник специализированной охраны экземпляра U1, извлек из кармана портсигар, протянул доктору. Восемь круглобоких сигар безупречной стройностью ряда напоминали патроны в обойме.

– Спасибо, травиться не желаю, – ответил Гамильтон, выбил сигарету из пачки «честера» и глубоко затянулся.

– Напрасно, – полковник вальяжно откинулся на спинку, закурил. – Напрасно вы так. Я предлагаю поговорить откровенно.

Он обвел красноречивым взглядом замкнутые стены кабинки. Доктор Гамильтон пожал плечами:

– Начинайте.

– Что ж... Экземпляр U1 был обнаружен 5 марта. Он имел неосторожность разгуливать ранним утром между корпусами Натуроведческого института, где был пойман и изолирован для дальнейших исследований. В оном институте, конечно же. Как человек здравомыслящий, я вижу два пути, какими экземпляр мог попасть сюда. Первый: упал с неба. Второй: черт его знает как.

– Стройно излагаете. Но есть и другие пути, – доктор выпустил колечко дыма. – Ребекка – аномалия коллективного бессознательного, проявляющаяся в идентичных галлюцинациях у всех наблюдателей. Ребекка – новая модель терминатора, заброшенная в прошлое, чтобы уничтожить Джона Коннора, который придет в наш музей поглядеть на нее. Ребекка – генетический мутант, разработанный НАСА с целью проверить реакцию человечества на генетических мутантов. Имеется еще порядка двадцати пяти версий.

Полковник хмыкнул.

– Умиляет, как вы упорно называете экземпляр Ребеккой. Неужели вы установили пол существа?

– Знаете, понаблюдав за нею всего один день, Хьюго Шелби сказал: «Она – настоящая леди». Дальнейшие исследования не дали оснований усомниться в этом выводе.

– Вы смеетесь надо мной?

– Никак нет, полковник Хардинг, сэр!

Военному понадобилось несколько секунд, чтобы уловить и проглотить издевку.

– Ладно. Неважно. Что происходит дальше. Десять недель – скакалка. Восемь недель – капли на стекле. Теперь – мячик. Эти игры необъяснимы и бесцельны.

Движением рук и глаз доктор Гамильтон передал нечто о неисповедимых путях господних.

– На первый взгляд бесцельны, – веско продолжил полковник. – Скакалка, подброшенная существом вверх, падает на пол. Колебания воздуха, сила и направление броска, начальная форма скакалки, ее температура – все это влияет на динамику падения. Ложась на пол, скакалка всякий раз образует новый рисунок. Вода, выплеснутая на стекло, стекает в виде капель, каждая движется по траектории, на которую влияет десяток факторов. Наконец, мячик катится по неровной траве и отскакивает от стенки под различными углами. Любой из этих процессов,

доктор, зависит от такого числа переменных, что результат предсказать почти невозможно. Это – хаотические процессы.

– Скорей, стохастические... – доктор зевнул. – Ну и?

– Экземпляр U1 способен неделями наблюдать за такими процессами. Не исключено, что он делает множество выводов! Не говорит ли это о его разумности?

– А о моей?

– В каком смысле?

– Однажды я ради интереса попробовал игру Ребекки. Стал подбрасывать скакалку и смотреть, как она падает. Меня хватило на пятнадцать минут. Спустя четверть часа стало нестерпимо скучно. Согласно вашей теории, я – форменный кретин.

Хардинг подался вперед и уперся руками в крышку стола, чуть разведя локти в стороны. В его позе было нечто упрямо-бульдोजье.

– Доктор Эдвард Гамильтон, вы – ректор Натуроведческого института. Вы руководите исследованиями экземпляра на протяжении пяти месяцев. Чем вы занимаетесь все это время? Кормите начальство сказками о непредвиденных трудностях. Тратите время на маловразумительные рентгеновские снимки и ультразвуковые сканы. Сотнями проводите дурацкие тесты рефлексов. Суετε нам анализы экскрементов! Доктор, на кой черт все это? Почему до сих пор нет теста ДНК? Почему на теле этой Бекки не сделали ни единого разреза? Почему запрещено вводить в нее зонды? Почему вы не можете ответить на один-единственный вопрос: существо – инопланетянин или нет?

– Полагаю, и на этот счет у вас имеется гипотеза?

– Да, доктор. Вы просто тянете время. Я провел кое-какие подсчеты. Двести пятьдесят посетителей ежедневно по восемьдесят фунтов каждый – это двадцать тысяч фунтов в день. От одних только зевак. Еще – продажа прав на исследования иностранным компаниям. Пять тысяч фунтов за лабораторный час. Еще – телесъемки для шоу и научно-популярных фильмов. Еще – сувенирчики, игрушечки, маечки-шортики-открытки с «леди Ребеккой». По скромным прикидкам, будучи здесь, экземпляр U1 приносит шестьдесят тысяч фунтов чистой прибыли в день. Из них две трети идут в бюджет программы исследований, которой руководите вы, доктор Гамильтон.

Ректор заглушил окуроч, растер золу по донцу пепельницы, аккуратно вырисовал на ней спиральку.

– Мне следует поблагодарить вас за тщательный анализ ситуации?

– Вежливый человек так и поступил бы.

– Какова была бы благодарность вежливого человека?

Полковник написал число на салфетке. Гамильтон прочел, чиркнул зажигалкой, подержал салфетку над пепельницей, пока огонек не коснулся пальцев.

– Завтра я буду очень благодарен вам, полковник.

– Было приятно с вами побеседовать, доктор.

Военный ушел.

Гамильтон попросил еще чашку кофе. Вдыхая ароматный напиток, он мысленно произнес недосказанное:

– Мы сделали анализ ДНК. В первый же день, пока правительство еще не взяло нас под контроль. У Бекки нет ДНК. Ее клетки состоят из кремниевых соединений. Наследственная информация хранится в виде зон с разной электропроводимостью. Вероятно, это существо способно накапливать и передавать наследственную память. Ребекка не просто инопланетянин – она даже не белковый организм. Когда об этом узнают, ее разорвут на кусочки. Такие, как вы, полковник Хардинг, сэр.

* * *

Этот день выдался удивительно спокойным. Была лишь одна часовая съемка. После экскурсий Бекки с аппетитом вкусила фунт минеральной смеси, затем подремала полчаса и взялась за игру. Тогда к ней впустили телевизионщиков.

Немцы ваяли научно-популярную программу о фрау Ребекке. Перегавкиваясь на своем шипяще-лязгающем наречии, они деловито метались по периметру вольера. К совершенно безобидной Бекки на всякий случай старались не приближаться – сходство с ягуаром порожило здоровую опаску. Расставив аппаратуру, немцы вытолкнули из своих рядов белобрысую девушку в блестяще-серебристом комбинезоне, которая присела рядом с Ребеккой и принялась вступать в контакт. Немка показывала Ребекке внушительного размера фотографии созвездий, крутила перед ее носом глобус, вещала нечто медленно и разборчиво – словом, подошла к делу контакта с максимальной серьезностью. Бекки ни на секунду не отрывалась от своего мячика. Тогда белобрысая картинно прилегла на бок грудью к телекамерам, извлекла из кармана шарик и принялась швырять его в стену. Ребекка не придавала значения – это была не первая и даже не десятая попытка подражания. Но когда немка вдруг упустила свой мяч, и тот откатился прямо к ультрамариновой лапе, Бекки благосклонно отпасовала его обратно. Телевизионщики пришли в полный восторг – контакт с инопланетным разумом удался! Приняв во внимание взаимоотношения лучшего и хорошего, белобрысая тут же провозгласила резюме и удалилась из вольера.

Хьюго Шелби терпеливо дожидался конца съемок. Он хотел поговорить.

Шутки о его платоническом чувстве к синей кошке уже столько раз обошли институт, что стало признаком дурного тона заикаться на эту тему. Ни для кого не было секретом, что трижды в неделю седеющий Хьюго проводил час-другой, сидя у вольера и вдумчиво общаясь... со стеклом. Ребекка, играющая в клетке, реагировала на речи зрителя не более, чем прозрачная кварцевая стена, потому чудачество Хьюго вызывало поначалу всеобщее умиление и сопереживание. Поначалу – потом наскучило.

А между тем, у Хьюго и Ребекки имелась крошечная тайна: иногда она отвечала ему. Крайне редко. Одно из тысячи слов, сказанных им, чем-то трогало ее. Тогда Бекки отрывалась от мячика и пару секунд смотрела на мужчину, затем возвращалась к игре. Это и был ответ.

Из слов и фраз, отмеченных Ребеккой, Хьюго пытался составить нечто связное, найти в ее реакциях систему. Выходило абсурдно и глупо, вроде квинтэссенции центральной истории мороженого, или пингвинов Марса, льющих воду на закат. Зритель в глубине души догадывался, что Бекки не понимает ни единого слова, а в редких ее взглядах меньше смысла, чем в ударах мухи о стекло. Он все больше убеждался, что леди Ребекка не умнее дворовой Мурки, и от этой мысли почему-то становилось горько.

Сегодня Хьюго Шелби не стал рассказывать ей ни о Древнем Риме, ни о человеческой психологии, ни о романах Сомерсета Моэма. Он сел у стекла и спросил напрямую:

– Мисс Ребекка, вы понимаете хоть что-то?

Двенадцать футов – отскок.

– Вы вообще замечаете, когда я говорю с вами?

Бросок – двенадцать футов.

– Мисс Ребекка, простите, но... у вас ведь нет ни капли разума? Верно?

Отскок – двенадцать футов.

– Что вы вообще здесь делаете?

Вот тут Ребекка поймала мячик, подняла взгляд к лицу мужчины и внимательно посмотрела ему в глаза. А затем смачно облизнула собственный нос.

* * *

Спасатель пришел в ту же ночь. Он возник в виде крохотной аномалии – черной точки в воздухе. Разжал пространство вокруг себя, обрел истинные размеры и массу, адаптировался

к законам этого мира, затем снял аномальный барьер. Камеры видеонаблюдения зафиксировали, как он появился в холе пятого этажа и двинулся по коридорам, безошибочно находя дорогу. Охранники при входах не видели его, так как он не пользовался входами. Охранники на лестнице не видели его, поскольку он миновал и лестницу. Понизив жесткость молекулярных связей в своем теле, он туманным облаком провалился сквозь три перекрытия и сконденсировался в вольере Ребекки.

– *Девятая пространства*, я пришел спасти тебя, если нуждаешься в спасении, и помочь, если нуждаешься в помощи.

Синяя кошка проснулась, недовольно вздернула ушами, облизнула лапу и протерла ею глаза.

– Я – Бет, *восьмой силы*. Я пришел, чтобы ты вернулась.

Ребекка встала, неторопливо обошла спасателя кругом, принялась. Легла и опустила голову на лапы.

– *Девятая пространства*, прошу, ответь мне. В каких средствах нуждаешься ты, чтобы вернуться?

Бекки перекадилась на бок и почесала задней лапой за ухом. Потом высунула язык и приступила к туалету.

– Кто тебя похитил? Что случилось с тобой?!

Ребекка вылизывала внутреннюю поверхность бедер.

– Это – они?.. Какой вред они тебе причинили?!

И вдруг стекло взлетело кверху, открывая пространство с существами. Существа были теплы и активны. С их рук сорвались сгустки энергии и метнулись к спасателю. Бет не сразу поверил – они атакуют его?!

Бет был воином восьмой ступени. Его гены хранили совершенство сотен поколений мастеров, тело на клеточном уровне знало, как реагировать на любой мыслимый вид оружия.

Разряды электричества коснулись кожи, и защитные ткани рассеяли их. Бет ударил волной давления, отшвырнул существ и ринулся вслед за ними в коридор. Сперва отбить атаку, затем – уводить *Девятую*. Коридор полон – существа с обеих сторон, десятки. Их оружие было кинетическим, потому Бет ушел из фазы вещества. Он обратился в сгусток энергии. Пули проносились сквозь тело, не причиняя вреда. Бет смещался, на миллисекунды обретал материальность и бил. Враги бешено стреляли в ответ, решетили мерцающее облако, пляшущее перед стволами. Кинетическая энергия пронизывала то место, где спасателя уже не было. Враги вовсе не умели защищаться. Импульсы сжатия сбивали их с ног и ломали конечности, тепловые удары заставляли корчиться от боли. За десять секунд Бет, *восьмой силы*, лишил их боеспособности и на мгновение задержался в фазе вещества, чтобы убедиться в победе.

Тогда мучительно горячая игла вонзилась в спину. Боль и удивление сковали его на миг, новые иглы прошили тело. Он лишился сознания, так и не успев поверить в то, что проиграл.

* * *

Зеленоватое тело чужака напоминало препарированную лягушку. Щупы зондов и электроды, торчащие из него, выполняли функцию гвоздей – спасатель был прищиплен ими к пространству помещения. Импульсный ток, протекающий по тканям чужака, парализовал его и удерживал на месте. Не было иного способа сдержать существо, способное проходить сквозь стены.

Стоя в холле пятого этажа, спешно переоборудованном под военную лабораторию, доктор Гамильтон ощущал колючую абсурдность происходящего.словно в плохом боевике, вокруг были «свои» и «чужие». Свои здесь – это парни с автоматами и парни в блестящих комбинезонах со стеклами вместо лиц, и парни с каменными скулами над офицерскими погонами. Чужие – это Эдвард Гамильтон и Хьюго Шелби. И полумертвое тело существа.

– Полковник Хардинг, я требую прекратить... – он отчеканил сталью это «требую», но на «прекратить» голос сорвался.

– Вы требуете? Надо же! – Полковник изобразил подобие удивления. – За пять месяцев исследований вы не добились результатов. Однако если экземпляр U1 необходимо было сохранить живым в виду его уникальности, то с U2 мы можем применить надежные методы... познания.

– Никто из моих подчиненных не станет участвовать в этой экзекуции.

– Мои подчиненные прекрасно управятся и сами.

– Я запрещаю подобный опыт на территории моего института.

– Это вряд ли. По приказу министра обороны я имею право совершать в вашем институте любые действия, направленные на безопасность Великобритании.

Доктор Гамильтон поперхнулся.

– Эта попытка – в целях безопасности?!

– Одиннадцать моих солдат госпитализированы, двое погибли.

– Но это они первыми открыли огонь, не чужак!

– Он вторгся на охраняемый объект.

Губы Гамильтона тронула болезненная усмешка.

– То есть вы заранее оповестили его, что объект охраняем? И как это вам удалось?

– Черт возьми, док! Он пытался украсть U1!

– Он к ней даже не прикоснулся – это видно на записях. Хотел бы украсть – украл бы за три секунды. Вы не так глупы, чтобы не понять этого.

– Хватит! – Хардинг указал на дверь. – Убирайтесь. Я получил прямой приказ: любой ценой получить точные сведения о природе существа. Если вздумаете мешать мне... Словом, не советую.

Гамильтон побледнел, но не сдвинулся с места.

– Ничего, что сейчас ночь. Я не постесняюсь разбудить премьера. Если понадобится, то и ее величество. Полагаю, они должны быть в курсе первого вооруженного конфликта с инопланетным разумом.

Полковник ослабился:

– Вы сами отказались подтвердить инопланетную природу экземпляров. На свои же грабли, доктор.

– И даже моя горячая благодарность не заставит вас изменить решение?

Хардинг понизил голос и придвинулся к доктору, окуная его в облако табачной вони.

– Положение сильно изменилось, док. Факт нападения, плюс это его оружие, хождение сквозь стены. Там среагировали мгновенно. У меня есть ясный приказ... Так что вам действительно лучше уйти.

Больше не говоря ни слова, Гамильтон двинулся к выходу. Смотритель музея последовал за ним, у дверей задержался и отчетливо произнес:

– Двое погибших – пока не так уж много. Не гневите судьбу, полковник.

На лестничной клетке ректор института достал сигареты. Пока он курил, Хьюго Шелби молча стоял рядом. Затем доктор Гамильтон ушел – звонить королеве или поднимать на уши репортеров, а может, глушить виски в «Ромашке». Смотритель музея направился на второй этаж, где все в том же вольере отдыхала кареглазая леди Ребекка. Она не спала – послушный ее движению, мячик проделывал свой бесконечный путь. Двенадцать футов – отскок...

Хьюго громко сказал:

– Мисс Ребекка. Тот, кто приходил к вам, – полагаю, он в вас ошибся. Так же, как и я. Не думаю, что вам есть до этого дело. Я даже не уверен, что вы меня понимаете. Но вы должны знать: ему сейчас плохо. А станет еще хуже. Всего доброго, мисс Ребекка.

Если бы Хьюго Шелби хоть на минуту задержался у стекла, то увидел бы, как, поймав шарик, Бекки помедлила, закрыла глаза и резко метнула его. Мячик отразился от четырех стен, замедлил ход и прикатился точно в лапу, подставленную вслепую.

Затем леди Ребекка поднялась, открыла перед собой сингулярный портал и шагнула из вольера в холл пятого этажа.

* * *

Оказавшись рядом с Бетом, она создала еще одну сингулярность. Непроницаемая сфера, которую земные ученые назвали бы горизонтом событий, окружила двоих чужаков. Они оказались вне пространства и времени. Снаружи полковник Хардинг и двадцать человек его команды потрясенно наблюдали, как лабораторный стол, тело пришельца, утыканное шупами, и кусок перекрытия сжались в точку и пропали. Воздух на том месте голубовато мерцал, сквозь круглое отверстие в полу виднелся череп мамонта, украшавший четвертый этаж.

Внутри сингулярности леди Ребекка осторожно извлекла шупы из ран Бета. Тело *восьмого* начало регенерировать сразу же. Спустя минуту он открыл глаза.

– Где я?..

Электромагнитная волна его голоса звучала гулко – горизонт событий полностью отражал ее.

– Ты допустил ошибку, Бет, *восьмой силы*. Это старый мир, в нем очень сильна энтропия. Тебе следовало учитывать ее, – *Девятая пространства* говорила холодно, эхо отбрасывало ее слова от белых стенок сферы и бомбардировало ими разведчика. – В этом мире ты не в состоянии учесть все факторы, точно предугадать полет пуль, движения врагов.

– *Девятая пространства*, моя вина перед тобою бесконечна. Я не сумел спасти тебя. И теперь...

– Спаси? – Удивленно воскликнула она, и эхо повторило слово, насмешливо коверкая его: «Спас-пас-пас... спаси-ти-сти...»

– Бет, ты считаешь, что я нуждаюсь в спасении? Эта планета так далека от нас, что даже наша галактика невидима на здешнем небе! Я шагнула сюда по собственной воле – никакая иная сила не смогла бы перенести меня в этот мир. От кого же ты хочешь меня спасти?

– По своей воле?.. По своей?.. – Бет смотрел на нее. Бет не понимал. – *Девятая пространства*, ты...

– Меня зовут Лана. Я прошу тебя использовать это имя.

Назвать ее простым именем было не намного проще, чем понять.

– Ла... Лана. Зачем ты отправилась сюда? Мы еле смогли найти тебя. За ту секунду, что был открыт твой портал, образ этого мира отпечатался в общем разуме. Над ним трудились все шестеро *восьмых знания*. Им понадобились тысячи часов, чтобы расшифровать образ! А если бы они не сумели?..

– Я рассчитывала как раз на то, что вы меня не найдете, – в голосе Ланы прозвучала досада. – Я проявила небрежность. Нужно было идти через промежуточный мир.

– Ты хотела спрятаться?.. – Бет повторил эту фразу, пытаясь осознать и понять ее. – Ты хотела спрятаться... Но почему? Ты же нужна нам! Ты нужна нам всем!

Разумеется, нужна. Спасатель принес с собой крошечный слепок общего разума. Словно тени, за спиной Бета стояли невидимые тысячи *седьмых*, миллионы *шестых*, несчетные множества *пятых*, *четвертых*, *третьих*. Глядели на нее снизу вверх укоризненными взглядами, беззвучно шептали: «Ты нужна нам... Ты нужна... Нужна!»

– В этом и дело, Бет. Я нужна всем. Потому и ушла.

Восьмой силы не мог объяснить себе ее поступок иначе, чем потерей памяти. Он терпеливо рассказал Лане то, что она должна была знать сама. Родная планета истощена и переполнена. Миллиарды *третьих* и *четвертых* не могут полноценно развиваться. Было принято

решение сконструировать искусственную планету на основе пояса астероидов. Двенадцать *восьмых пространства* и Лана – единственная *Девятая* – должны...

– Должны что? – Перебила она. – Построить вам планету? Дать вам жилье, пищу, энергию, знания – чтобы вы могли полноценно развиваться? Чтобы внуки ваших внуков когда-нибудь стали *девятыми*?

– Так устроен мир, – удовлетворенно подытожил Бет.

– Старшие служат младшим, да? А младшие никогда не пробовали сделать что-нибудь сами?

– Младшие?.. – Бет задумался и усмехнулся. Вероятно, он представил себе комичную картину: толпа беспомощных *третьих*, не умеющих ни смещать время, ни преобразовывать энергию в массу, ни ослаблять или усиливать молекулярные связи, – эта толпа младенцев строит... хм... планету.

– Бет, – вкрадчиво произнесла Лана, – а между тем, тебя пленили два десятка *первых*.

– Как?! Ты оскорбляешь!..

– Бет, я кое-что знаю о существах этой планеты. Они не умеют наследственно передавать навыки, как мы. На Земле живут только *первые*.

Первые... Само слово звучало необычно для разведчика – тысячелетия прошли с тех пор, когда на его родине еще встречались *первые*. Уже века миновали с того дня, как последний *второй* взшел на третью ступень совершенства, и гены его перестроились, сохранив достигнутое мастерство. С тех пор ребенок даже самой отсталой семьи с рождения становился *третьим*.

– Эти странные люди считают, – продолжила Лана, – что для развития необходимо трудиться. Некоторым из них удается достичь второй ступени совершенства. Потом они умирают, и дети начинают путь заново. Встречались и такие, кто при жизни успел взойти на третью ступень. Их было всего несколько. Люди поклоняются им и называют богами. Возвращайся, Бет. А тем, кому я особенно нужна, расскажи притчу о процветающем мире, населенном одними лишь *первыми*.

Бет нерешительно помолчал.

– Лана... Твой ребенок мог бы стать первым в истории *десятым*.

– Я никому не пожелаю такой судьбы. Уходи, Бет.

– Лана, я не смогу уйти, даже если захочу. Усилий всех *старших пространства* едва хватило на то, чтобы отправить меня в один конец. Я могу вернуться только вместе с тобой.

– Всех усилий?.. – Лана невесело усмехнулась и понизила мерность пространства. Время вне сингулярности замерло. Два мира стали соседними точками на плоскости, в которую превратился космос. Достаточно было сделать шаг, чтобы в следующее мгновение оказаться за миллионы парсек от Земли. Лана указала лапой, и Бет увидел перед собой лазурный пол Сферы Решений, и усталые лица *восьмых пространства*, с великим трудом забросивших разведчика на далекую планету.

Лана подтолкнула его:

– Иди.

Бет робко переспросил:

– А ты?

Вторя ему, множество робких голосов заполнило космос: «А ты?.. Лана, как же ты?... Ты нужна нам... Нужна...»

– Спасибо, я останусь здесь.

* * *

Учитывая необъяснимую природу силы, искалечившей бойцов спецхраны, и столь же необъяснимое исчезновение чужака прямо из-под носа десятков людей и приборов, министер-

ство обороны предпочло замаять эпизод с экземпляром U2 и благоразумно утаить его от репортеров.

В двенадцать часов следующего дня, строго согласно графику, очередная экскурсия посетила похожую на ягуара леди Ребекку. Удивлению визитеров не было предела: Бекки не занималась мячиком! Вместо этого она с интересом рассматривала сквозь стекло лица людей. «Такая синяя», – сказал кто-то, «Да просто кошка!» – тут же добавил другой. Экскурсанты покосились на говорившего.

Хьюго Шелби улучил момент, когда никто не смотрел на него, подмигнул Ребекке и показал поднятый кверху большой палец.

Разведчик

Далекое будущее

...совершенное средство передвижения в пространстве. «Баллиста-М» превосходит все орбитальные пусковые установки. Масса снаряда – до 2000 тонн. Максимальная дальность броска – 160 парсек. Точность – 0,1 угловой секунды. Ни один звездолет с автономным двигателем...

Ты лежишь, раздавленный кетаминным бредом.

Твой мир состоит из песка. Он мерзостно зыбок, он течет.

Нет зрения, слуха, осязания – смешались, сплывились в песчаную массу. Мыслей нет – теперь это лишь отпечатки на песке, что рассыпаются без следа. Слова сеются сквозь мозг, опадают скрипучей пылью. Лишь редкие задерживаются в сите:

– Ты – разведчик.

Эти слова почему-то обретают важность, трутся о стенки сознания, царапают.

– Ты разведчик. Разведчик. Развед...

В мир вторгается лицо. Вырастает из песка и заполняет собой. Лицо рассечено шрамом от подбородка до виска. Оно уродливо. Оно звучит:

– Ты не умеешь ничего. Но это неважно.

«Неважно» отпечатывается в пыли, ты идешь по отпечаткам, и нога вдавливается в букву А, стирая. нев... жно...

– Главная задача разведчика – хотеть вернуться. – Скрипит лицо, фраза дымком окружают его. – Хотеть вернуться... Это ты сможешь. Сможешь...

– Ведь у тебя – жена и дочь. – Лицо роняет слова-камушки. – Жена. Дочь. Ждут.

Камушки вдруг становятся двумя фигурками: крошка в платице, а солнце – в зеленых джинсах. Ты теперь между ними, вы на траве под сиренью, и они хохочут... А тебе не до смеха, ведь все это – фото, оно плоское, оно летит, кружась, спирально, уже далеко, а близко – лицо. Со шрамом до виска. Лицо чеканит:

– Ты отправишься на Альфу Дракона.

Последнее слово разевает пасть, и внутри до дрожи темно, лишь с клыков струится песок.

– На Альфу Дракона. Ты первый. Ты должен...

Ты не слышишь – заполняет темнота. И две фигурки. Далеко... Так далеко, что почти точки. Может, звезды...

Лицо повторяет, вколачивая в сознание:

– Ты должен продержаться три месяца. Главная задача – хотеть вернуться. Выживи три месяца. Три...

Число не значит ничего, бессмыслица. Лицо показывает: палец, еще палец, и еще.

– Хотеть вернуться.

И ты тонешь.

Приходишь в себя в тесноте. Ремни втягивают в кресло, оставляя лишь малую свободу – вертеть головой и нагибаться. Перед тобой стекло, а за стеклом – глянцевая темнота с искорками звезд. Ужасно тошнит, ты корчишься от спазмов, но приборчик на руке вдруг колет запястье, и становится легче. До того легче, что хочется уснуть безмятежно, сладко, и верить, что все будет хорошо...

Ты уже дремлешь, когда сила вдруг толкает тебя и вжимает в сиденье. Звезды на экране превращаются в светящиеся нити, а затем пропадают. Ты летишь в темноту.

* * *

...«Баллиста-М» превосходит все прочие пусковые установки. Дальность броска – до 160 парсек при отклонении меньше 0,1 угловой секунды. Ни один звездолет с автономным двигателем не способен преодолеть такое расстояние. Не существует способа связи...

Я перегнулся через перилы и плевком отправил окурочек в долгий путь до земли. В безветрии он падал степенно, задумчиво, без лишней суеты, пока не пропал из виду. Приятно плюнуть с восьмидесятого этажа! Хотя что-то приятно...

Я позвонил, из динамика раздалось ворчливое: «Кто?»

Не люблю свою работу – по долгу службы часто приходится врать. Вот как теперь.

– Комитет поддержки способных детей. Ваш сын Роберт выбран кандидатом на правительственный грант.

Дверь раскрылась недоверчиво медленно. Всклобоченная женщина в халате пялилась на меня, тщасть понять и осмыслить. Я протянул к ее носу удостоверение. Затем неторопливо раскрыл дипломат, извлек грамоту и также поднес к лицу женщины. Трехмерный герб Комитета – цветок лилии в заглавии, ниже – платиной вышитое «Роберт Хаймиш». Это все, что она заметила. Никто не замечает больше.

Когда она, наконец, улыбнулась – криво, потрясенно, – я продолжил:

– Вы – Елена Хаймиш, верно? Ваш сын Роберт – очень талантливый ребенок. Он имеет полное право претендовать на красную линию поддержки. Это означает – грант на обучение в любом колледже и университете страны, по вашему выбору. Я пришел уладить ряд формальностей. С вашего позволения.

– Да?.. Ах, да, да! Конечно, проходите, конечно!

Она посторонилась, она просила не разуваться, она придвинула мне стул и предложила чай. Я выбрал кофе. Она засыпала меня дюжиной вопросов, я переждал их все, а затем заговорил медленно и успокаивающе.

– Поверьте, это так. Такие творческие способности, как у вашего сына, встречаются у одного из тысячи детей. Мы давно держим его на примете, и сомнений быть не может. Нет, совершенно никаких сомнений, уверяю вас. ... Не было тестирований в детском саду? Да что вы, тестирования вовсе не требуются! У нас свои методы, очень надежные.

Я так бархатно выговорил это «надежные» и так ласково улыбнулся, что ей стало кристально ясно, что за человек перед ней. Елена опустила на табурет и уставилась мне в глаза – снизу вверх, с немым благоговением. Мастер экстрасенсорного восприятия – собственно, это написано в моей «корочке», но кто же читает казенные бумажки?..

– Скажите, а что я сейчас думаю? – Тихо спросила женщина.

Думала она, конечно, о том, что каким-то чудом попала прямо в сказку, а развод был тому назад три года, и Боба она растит одна, это очень нелегко, и, вобщем, она вполне заслужила, да сынишка и вправду ведь неглуп, пусть не индиго, но... Понятно, что думала она именно так, но это совершенно неважно. А важен лишь Роберт.

Я сказал:

– Я не телепат. Я экстрасенс особого профиля. Позвольте задать несколько вопросов о сыне.

– Да-да, конечно, пожалуйста!

Деловито разложив анкеты, я иду по стандартному списку. Как здоровье? Чем болеет? Хорошо ли спит? Что снится? Чего боится? Да, это важно, поверьте!

– Вы знаете, он так часто простуживается. Кутаю его постоянно, слежу, чтоб ни одного сквозняка, – и все равно каждый месяц болит горло... Отпаиваю чаем с малиной. Он, знаете, обожает малину! Вообще любые ягоды ест стаканами... Бедняжка, он такой слабенький из-

за этих болезней. Пробежит немного – и устает. Пойдем гулять – через полчаса уже домой просится...

Сквозняки и горло тут совершенно не при чем, но я молчу об этом. Так что на счет страхов?

– Нет, огня не боится, сам костер разводить умеет. Темнота – тоже нет... Хорошо засыпает один. Холода боится, конечно. Даже фильмы смотреть боится – знаете там, о севере. Когда смотрит, дрожать начинает. Но и не удивительно, с его-то здоровьем!

Здоровье... ну да. А как на счет пауков, змей?

– Знаете, он у меня точно индиго, – Елена улыбается. – Ни пауков, ни змей, ни червяков – ничуть не боится. А вот увидел ежа как-то – такую истерику устроил, я еле успокоила! Представляете?..

Представляю. Вы и представить не можете, как хорошо я представляю.

– А космос любит? Ну, эти фильмы про героев галактики?

– Терпеть не может.

Еще бы!

– Рисует?

– О, да. Я покажу!

Пока она ищет рисунки, я нащупываю Роберта. Он стоит за закрытой дверью детской – подслушивает. Ему тревожно.

Всклоченная Елена прибегает с альбомом, и я внимательно просматриваю картинки. В принципе то, чего я и ожидал. Скупая графика, мало цвета, мало солнца. Людей нет, животные – редкость. Какие-то птицы. Много серого, камней, голой земли, темного неба. Красные ягоды. Пятно, похожее на ежика – очень маленькое, в уголке. И вот еще любопытное: ночной небосвод, но звезды размазаны черточками.

– Ой, это я и не знаю, что ему в голову пришло, – хихикает Елена.

А я знаю... Но пока что не все.

– Я могу побеседовать с Робертом?

Не люблю говорить с детьми. Если б мог, ограничился бы матерью. Но одну важную деталь от нее не узнать.

Бобби – тщедушный белокожий мальчик с тревожными глазами. Он сидит на кровати с книгой, напрягшись. Книга закрыта, мальчик смотрит на меня и вздрагивает, заметив мой шрам в пол-лица. Это хорошо.

Елена рассказывает сыну о том, какой я добрый дядя, как важно ответить вежливо на все мои вопросы, а потом я прошу ее выйти. Сажусь рядом с Робертом и вношу в поле его немигающего взгляда блестящий амулет. Амулет колеблется на цепочке, в такт колебаниям я говорю:

– Маленький Бобби... все смотришь, смотришь... страх уходит, совсем уходит... маленький Бобби, маленький Бобби...

Блестящие зрачки отрываются от моего шрама, тянутся за амулетом. Взгляд качается, мутнеет...

– ...приходит сон, сон приходит... спокойный, спокойный... глубокий, глубокий... за мною, за мною, маленький Бобби... идешь ты за мною...

Веки опускаются. Он засыпает, но продолжает сидеть.

– Маленький Бобби... ты мой разведчик. Я хочу знать, и ты мне ответишь... Слушай же, слушай...

Я придвигаюсь к нему и шепчу на ухо, так тихо, чтобы не слышала мать, согнувшаяся у замочной скважины:

– Восемь лет назад ты лежал, раздавленный кетаминовым бредом. Ты видел над собою мое лицо со шрамом, и я говорил тебе такие слова. Ты – разведчик. Ты не умеешь ничего,

но это неважно. Ведь главное качество разведчика – желание вернуться. И это ты сможешь – хочешь вернуться. У тебя жена и дочь. Ждут.

Мальчик чуть вздрагивает – это отлично. Я продолжаю.

– Потом «Баллиста-М» швырнула тебя за триста световых лет на Альфу Дракона. Туда, куда не дотягиваются звездолеты. Туда, где невозможна связь. Что там было с тобой?

Семилетний Бобби, вероятно, не понимает ни слова, но это неважно – я говорю уже не с ним. Тот, с кем я говорю, издает стон при словах «Альфа Дракона».

– Что было там? Что было?.. Знаю, было тяжело. Тяготение в два «же» или больше. Ты с трудом стоял на ногах, ты ползал... Было холодно. Ты упал в зону тундры, выл ветер, проедал до костей... Были ягоды, которые ты смог есть, но ничего больше – через два месяца ты стал тощим как скелет... Был зверь, похожий на дикобраза, ядовитые иглы – как раскаленные спицы... Что было еще?

Я говорю, он слушает. Вздрагивает. Иногда издает тихий стон. Иногда мечется, я осторожно удерживаю его. Но он молчит, а мне нужен ответ. Тогда я выкладываю все.

– Маленький Бобби... Ты мой разведчик, я – твой связист. Я экстрасенс особого профиля. Я чувствую, когда мои разведчики перерождаются. Я просил выжить три месяца. Ты умер через три с половиной. От чего? От чего ты умер?

Он замирает, а я горячо шепчу ему в ухо:

– Запас кислорода кончился через неделю. Ты выжил. Значит, на Альфе Дракона есть кислород. Спустя две недели кончилась вода – ты пережил и это. Ты нашел воду. Антибиотиков у тебя не было, значит, твой иммунитет справился с тамошними бактериями. Пищи хватило на месяц, но ты продолжил жить. Спасли ягоды, обожаешь их и теперь. Гравитация в две земных, холод, ядовитые твари – ты переродился тщедушным мерзляком, но прежде пережил все это! Так от чего ты умер на четвертый месяц? От чего?!

– Три... – шепчет он.

– Три с половиной, – говорю я. – Ты прожил на две недели больше.

– Три месяца... сволочь... сволочь!

– Бедняга, – говорю я. – Я соврал тебе. Альфа Дракона слишком далеко, ни один звездолет не способен. Это билет в один конец. Ты не мог вернуться... при жизни.

– Сволочи... – Шепчет он. – Какие же сволочи...

– Конечно, сволочи. А как иначе? Твое похищение, кетамин, лицо со шрамом, ложь, ужас – весь антураж лишь для того, чтобы ты возненавидел. Это называется кармический долг. Ненависть тянет душу обратно. Главная задача – желание вернуться, помнишь?

– Безнадёжно, – шепчет он. – Все безнадёжно...

И вдруг бьет себя ребром ладони по запястью другой руки. Судорожно, резко. И снова... Я выдохнул.

Просто и банально. Отчаялся и покончил с собой. В девяноста пяти парсеках от Земли, на пригодной к жизни планете. Что ж, прекрасный результат! На сотню разведок – один. Теперь – модули, колонисты, геологи...

– Маленький Бобби, сон снова приходит... спокойный, спокойный... глубокий, глубокий...

Я уложил его, укрыл пледом. Когда проснется, не вспомнит ни слова. Будь у меня совесть, этот факт ее немного успокоил бы.

Вышел из комнаты, и Елена вновь накинулась на меня. Она успела уложить волосы и переодеться. Мне было не до нее. Я вручил все бумаги – подлинные, без дураков. Роберт получит свою награду. Я оставил визитку и просил звонить. Даже обещал позвонить сам – лишь бы уйти скорее.

А когда стоял на мостике, соединяющем несущий стебель здания с лепестком квартиры, вдруг пришел удар. Дыхание перехватило, сердце подпрыгнуло в груди. Я шатнулся, рухнул. Багряно, затем темно...

Пришел в себя, сел, опершись о перильца, с трудом закурил. Откинул голову, глубоко втянул воздух сквозь фильтр сигареты. Это был разведчик на Бете Кита. Ровно спустя неделю после посадки. Значит, задохнулся.

Не люблю свою работу – по долгу службы часто приходится умирать. Вот как теперь.

Круги на воде

Не только наше время

Утром, идя по берегу, Старик нашел мохнатого. Это был очень странный человек: по всему его телу крепились какие-то лохмотья, совершенно ненужные, а из-под лохмотьев на груди пробивалась черная щетина. Волосы имелись в избытке и на лице, только тут они были отчего-то рыжими. Такого цвета шерсти Старик не видел ни у кого. Пожалуй, похоже на ягуара, только темнее и с проседью. Старик потер щеку и присел, чтоб рассмотреть получше.

Мохнатый лежал на песке, рядом с куском толстого дерева. Таких деревьев нигде нет, это тоже удивило Старика, но меньше, чем цвет волос. Мохнатый держал глаза закрытыми и, казалось, крепко спал, а руки его были скрючены, напряжены и протянуты к дереву, словно хотели его схватить, или держали его прежде, а оно выпало.

Старик потерял мохнатого. Когда тот поднял веки, Старик спросил:

– Как тебя зовут? Почему твои волосы такие рыжие? Где ты взял такое отличное толстое дерево?

Мохнатый смотрел на Старика долго-долго – размышлял, наверное. И вдруг понес какую-то чепуху, вроде:

– Амэ-дже-мсо-тул, сей-лор, краш динш торм, хеллми олгай... хеллми!

– Ты не умеешь говорить, как человек? – Уточнил Старик, хотя, в общем, это было очевидно. – Скажи хотя бы, как тебя зовут, мохнатый?

– Мошнаты... – чужак тупо повторил последнее слово и поднялся. Вставал он трудно, шатаясь. Медленно разогнул руки. Было ясно, что ему плохо – тут и слов не нужно.

– Ладно, пошли со мной, Мохнатый. Мы тебя накормим и напоим, а потом научишься говорить и расскажешь, где ты взял такое хорошее дерево, и еще, зачем тебе эти лохмотья. Наверное, ты носишь их, чтобы быть незаметным в лесу. Наверное, ты охотник на свиней.

По дороге от берега до селения Старик выстроил еще много предположений, а Мохнатый молчал.

В селении все, кто встречал их, тут же засыпали Старика вопросами, а он подергивал ухо и важно отвечал:

– Вот выйдем в круг, там все и расскажу. А по дороге говорить совсем не годится.

Когда дошли до круга, за ними уже бежала целая толпа. Инчи-унчи, молодой охотник, позвал Вождя. Тот выбрался из шалаша, удивленно осмотрел Мохнатого и спросил:

– Кто ты, странный человек с такими волосами, какие растут на спине у лысой обезьяны?

Старик за время пути успел все понять на счет Мохнатого, и гордо ответил Вождю:

– Это Мохнатый, он охотник на свиней, потому и нарядился в эти странные лохмотья и волосы перекрасил – чтобы свиньи думали, что он обезьяна. Когда охотился, он нашел отличное толстое дерево и хотел забрать домой, но устал и не донес. Упал на берегу и заснул, там я его и нашел.

– А почему ты говоришь, а не он?

– Это потому, Вождь, что Мохнатый не умеет говорить, как человек.

Рыжеволосый чужак в доказательство издал длинное бормотание, все захихикали, а Старик улыбнулся.

– Ну, пусть у нас живет, – сказал Вождь. – Научим его говорить, как человек, а потом домой пойдет. Покажи ему, Старик, где еды взять. И где поставить шалаш тоже покажи, потому что ночью снова будет ливень.

Так Мохнатый и остался жить в селении.

Поначалу он был очень глуп – как ребенок. Не умел бить кокосы, подбирать остроугольные камни, подходящие для долбления, не знал, как зажечь огонь, и даже не догадывался, почему нельзя ходить за холмы. Правда, умел вязать лианы, но как-то по-особому, не как люди. Слов он не понимал совсем-совсем, ни единого, и только бормотал свое непонятное.

Но он был здоров и силен, как три человека вместе взятых. И он был добр. Если кто-нибудь нес корзину камней с берега, или тушу свиньи, или сразу четыре пузыря воды, он обязательно помогал донести. Помогал даже женщинам, такого никто другой не делал. К тому же, в нем все было необычно: как он лежал, закинув ноги на бревно, как ходил вразвалку. Как скреб грудь, когда отдышал, и бороду – когда раздумывал. Как сплевывал налево. На него было очень интересно смотреть, и никогда не наскучивало – хоть полдня ходи следом и смотри. Так что Мохнатого скоро полюбили в селении. Всякий, кто был свободен, непременно спрашивал: «А где сейчас Мохнатый и что он делает?» Ему показывали, он шел туда, находил рыжеволосого и принимался чему-нибудь учить. Мохнатого учили все понемногу, а больше других – Инчи-Унчи, и Старик, и Быстроногий, и Плавунья, и Худышка, и толстый Пико-Поко. Они гордились успехами Мохнатого и хвастали друг перед другом. Громче всех, конечно, хвастала красавица Плавунья в тот день, когда чужак вполне связно сказал ей: «Я хочу поесть еще мяса».

После этого Мохнатый стал учиться очень быстро. Изо дня в день он понимал все больше слов, и чем больше понимал – тем больше спрашивал, и ему отвечали, и он начинал понимать еще больше. И как-то вдруг, внезапно для всех обнаружилось, что рыжий отнюдь не глуп, а возможно, поумней многих. Ведь это он придумал делать на стрелы костяные наконечники, и он же сплел огромную сеть, чтобы ловить сразу много рыбы, сколько не набьешь копьем и за два дня.

Говорил он теперь ясно и быстро, и много. Говорить по-человечески ему явно нравилось. Вечерами он ложился у огня, закинув ноги, да начинал рассказывать что-то сказочное: про странных людей с рыжими или белыми волосами, про огромные лодки, про деревья выше холмов, про зверей в пять раз больше ягуара, и – представить только! – про воду, которая становится твердой и ломается на куски. Он рассказывал и еще много чего, только этого уже совсем никто не понимал, но слушали все равно с удовольствием. Никто другой не умел так здорово рассказывать!

У Мохнатого были две излюбленные фразы. Он произносил их человеческим языком, однако смысл все равно был непонятен. Одна из них: «Кто ж так делает!..» Например, Быстроногий разводил огонь – трет хорошо, старательно. Мохнатый подойдет, скажет: «Кто ж так делает!», достанет из-за пояса какие-то два камня и стукнет ими друг о друга. С камней посыплются искры, и сухой мох тут же займется. Или, положим, трое охотников шьют лодку из шкур. Мохнатый поглядит на это, потом скажет свое «кто ж так делает» и возьмется за дело сам. Скрепит две лодки шестью и веревками, получится вроде как одна, но с двумя животами – и выяснится, что такая лодка никогда не опрокидывается и везти может хоть десять человек сразу. А однажды под вечер с охоты принесли окровавленного Синеглаза – кабан насадил его на клык. Рана была всего одна – на бедре, – но очень глубокая. Седой Знахарь обложил рану листьями живой травы и принялся читать заклинания, ворча под нос. Однако всем было ясно, что Синеглаз кончается: живая трава не спасала, кровь толчками лилась из-под листьев. Тогда Мохнатый тоже сказал: «Кто же так делает!». Отогнал всех, крепко-накрепко перетянул ногу веревкой выше разреза, потом взял из костра алую головешку и ткнул ею прямо в рану. Все остолбенели от ужаса, а Синеглаз взвыл, выгнулся дугой, и наверняка вырвался бы и ударил Мохнатого, не будь тот так силен. Но кровь перестала литься, а на следующий день порез начал затягиваться, а через семь дней Синеглаз уже снова мог ходить.

Другое странное слово, которое сохранил Мохнатый из прежнего языка, было «безбожники». В какие моменты чужак говорит его, и что оно значит, понять никто не мог. Когда какой-нибудь юный охотник впервые убивал козу, вымазывал свое голое тело ее кровью,

а все девушки племени принимались ее слизывать, Мохнатый говорил: «Безбожники». В день Весеннего духа, когда все холостые мужчины и женщины делали слу-слу в кругу и кричали очень громко, чтобы кокосы хорошо родились – Мохнатый тоже говорил: «Безбожники». Даже когда все племя при полной луне обращалось к духам, стоя на четвереньках, – и тут Мохнатый говорил: «Безбожники». Инчи-Унчи однажды предположил, что «безбожники» – это знак восхищения, и все с ним согласилось. Если кто-то слышал это слово от чужака, то широко улыбался и с двойным усердием продолжал свое дело. Однажды Вождь узнал, что Мохнатый терзается сомнениями, взять ли ему в жены мускулистую и полногрудую Плавунью или изящную, как птица, Худышку. Вождь позвал чужака к себе и посоветовал взять обеих. Хотя и не принято брать двух жен в одну и ту же весну, но такому сильному охотнику это простительно. Мохнатый поскреб бороду, сказал: «Безбожники», – и согласился. Вождь пересказал это девушкам. Обе были счастливы, что рыжеволосый красавец восхищается ими.

Что еще делал Мохнатый? Да много чего, мало кто все и вспомнит. Строил шалаши из деревьев и шкур, шил паруса, придумал восемь новых способов готовить мясо, а из козьего молока делал белую и очень вкусную еду – он сказал, она называется «чиз». А одной весной натаскал из холмов целую кучу необычных камней, разжег огромный костер и долго колдовал с камнями над огнем. Те, кто видел, говорили потом, что из камней вышла блестящая вода, и позже отвердела. Получилось что-то мягче скалы, но много тверже дерева, и Мохнатый сказал: это что-то зовется «айрон». Наконечники из айрона были острее костяных, ножи – лучше каменных.

Той зимой, когда умер Вождь, племя решило, что новым вождем должен стать Мохнатый. Ему сказали об этом и ждали, что он ответит: «Безбожники». А он почему-то замотал головой и проворчал: «Да какой из меня вождь... Я простой сейлор, даже не боцман. Не потяну я». Вождем стал Инчи-Унчи, но чувствовал себя очень неловко, и каждый месяц потом ходил к Мохнатому за советом.

А еще спустя годы Мохнатый заболел. Мало кто болел в племени, а уж от рыжего силача этого точно не ждали. Да только он слег, и кожа у него разогрелась, и лицо покрылось алыми пятнами. Плавунья смотрела за детьми, а Худышка сидела с мужем.

– Да кто ж так делает?.. – с надеждой спросила она, ожидая, что Мохнатый сейчас придумает что-нибудь и к утру выздоровеет. Но он грустно покачал головой.

– Амдаин... – сказал он. – В смысле, подыхаю я... Ничем тут не поможешь. У вас нет таких лекарств, чтоб не подохнуть.

Худышке сделалось пекуче больно, как от змеиного укуса. Однако, чтобы утешить мужа, она не подала виду, а только улыбнулась.

– Значит, тебе нужно радоваться. Духи встретят тебя с уважением и почестями и отмерят много-много счастья.

– Рили?.. – Он невесело усмехнулся. – Правда?

– Конечно, правда! Никто другой так много не сделал для людей, как ты. Значит, тебе полагается больше счастья, чем всем-всем. Мы даже сначала думали, что ты и сам дух.

– Какой там дух!.. – Глаза Мохнатого блеснули, и он горячо заговорил, вздрагивая и облизывая губы. – Я никакой не герой, простой сейлор, даже не боцман. Пять паундс в месяц, день на реях да кружка рому вечером. Мы шли на каравелл... большая лодка, очень большая. Мы везли великого человека. Миссионер... зе прист... мэн оф черч... Мы везли великого шамана, служителя духов. Он должен был попасть сюда, не я. Вот он бы научил! Он бы смог, вы обучились бы ту рид энд то райт... вы бы узнали молитвы, слово божье. Вы бы поверили в великий дух Джизес Крайст!.. А я...

Худышка слушала очень внимательно, поглаживая лоб мужа.

– Случился шторм. Мы не успели снять паруса, фок-мачта рухнула, смело полборта. Каравелл легла на бок и захлебнулась... Не знаю, кто выжил. Наверное, никто. Я вцепился

в обломок и лост май каншенс... ну, как уснул. Проснулся здесь. Худышка, май диар, боюсь, что Джизес наказал вас, безбожников. Послал меня вместо того, великого шамана.

Она нежно лизнула его в щеку.

– Ты ведь ничего не поняла, верно?.. – с горечью спросил Мохнатый.

Он ошибался. Смышленная Худышка прожила с ним больше дюжины лет, и поняла почти все, несмотря на мудреные слова. Не укладывалось в ее голове лишь одно: кто же мог сделать для людей ЕЩЕ больше?..

«Это он выдумал, чтобы я не тосковала!» – вдруг догадалась она и затосковала от этой мысли еще сильнее.

* * *

– ... При известном направлении тока в катушке, направленность вектора напряженности магнитного поля H определяется правилом буравчика, или же правилом винта.

Демонически скрипя мелом, лектор изобразил нечто, подобное бублику (вероятно, катушку индуктивности), и несколько погнутых стрелочек.

– Предположим, что мы вкручиваем штопор правой рукой, вращая рукоятку в сторону протекания тока. Тогда острое штопора будет указывать направление вектора H . Вихревое электрическое поле создает, условно говоря, воронку, и вектор магнитного поля направлен вглубь ее.

Вот! Я поймал нужное слово и завершил фразу. В этот момент Светка тронула мое плечо и спросила:

– Что ты делаешь?

– Пишу.

– Я заметила, – Светка подмигнула, глядя на мою руку.

Кисть руки держала авторучку, ее стержень указывал на хвостик буквы «и», которой оканчивалось слово «воронки», последнее в предложении: «Ложась на борт и черпая пробойной воду, бригантина проваливалась вглубь воронки».

– Я пишу о путешествиях, – сознался я и, вполне возможно, покраснел.

Светка была стервочкой с длинными ногтями артериального цвета. Я ожидал от нее в качестве ответа скривленных губ и снисходительной усмешки.

– Круто, – сказала она. – Дашь прочесть?

Дать было стыдно. Выразить идею мне никак не удавалось: персонажи говорили не о том, сюжетные ходы оказывались примитивны, а описания – поверхностны. В отчаянии я влепил идею под конец чуть ли не прямым текстом. Пафосно и напыщенно, как некролог по Сталину. Словом, рассказ был графоманью чистой воды... Однако не дать – означало бы открыто признать свой позор. Я протянул Светке тетрадь.

Она читала, я краем глаза следил. Ее личико выражало эмоции – краем глаза сложно заметить, какие именно. А краем уха я слушал лектора. Он говорил много всего, глубоко научно обоснованного, и изображал на доске ряды пугающих символов интегрального вида. Мне мало что удалось понять, но одна его фраза звякнула в мозгу резонансом. Я записал ее в блокнот.

Соседка дочитала, вернула мой, так сказать, конспект и долго внимательно смотрела на меня. Пока она смотрела, я успел подумать: будь мы героями пьесы, здесь стояло бы слово «пауза».

– Ты давно пишешь? – спросила, наконец, Света.

– Со смерти отца.

Она изменилась в лице, и я уточнил:

– Это не просьба о сочувствии, а отсчет времени. Моя жизнь делится на ДО и ПОСЛЕ. Писать я стал ПОСЛЕ.

– Ты хорошо пишешь. Интересно.

– Паршиво, – сказал я. – Пытаюсь передать одну мысль, и это никак не выходит. Коряво, грубо...

– По-моему, все понятно.

Я промолчал, поскольку не знал, как ответить: поблагодарить за поддержку или фыркнуть цинично «да неужели?» Мое лицо выразило: «Да неужели?»

– А знаешь, – вдруг шепнула Света, – дед Майкла Фарадея был моряком.

– Правда?

Мое удивление относилось скорее к тому факту, что блондинка-модница знает само имя Майкла Фарадея, чем к родственным связям ученого.

– Правда. И не просто моряком, а кем-то вроде капитана. В общем, да, капитан. Он был известный путешественник, можно сказать, английский герой. Как звали – я, конечно, не помню. Его все любили или, как минимум, уважали. А потом он погиб.

– В катастрофе?

– Да, в шторм. Как в твоём рассказе. Фарадею тогда было лет пять. И вот его родные и близкие – родители, дяди, тети – решили воспитать Майкла так, чтобы он вырос... ну, достойным великого предка. Пошел по стопам, как говорят. Тоже сделался моряком, потом капитаном, адмиралом или кем там еще. Все сошлись на том, что внук просто-таки обязан не посрамить память деда.

– Сочувствую.

– Ага, ты уловил. Бедного ребенка задержали до истерик. Учиться – только на «отлично», никак иначе. Читать романы или там Дюма – это для других детей, для Майкла – учебники по мореплаванию. Поиграть с приятелями? Э, нет. Стрельба, фехтование, и, конечно же, плавание каждый день. Даже осенью в холодной Темзе. Можно только представить, как все это его достало.

Света облизнула губы и продолжила темпераментный рассказ шепотом.

– Самое забавное вот что. Дед-капитан, судя по всему, был колоритнейшим мужиком. Останься он жив – наверняка полюбил бы внука, расписал бы ему во всех красках про дикарей из Полинезии, про морских черепах и белых акул, да каким строем идут в бой фрегаты, и как матросы привязываются к реям в бурю, и какие сказки ходят на флоте о Нельсоне да о Моргане, и еще тысячу всяких басен. А потом, конечно, взял бы внука на мостик своей бригантинки в небольшое плаванье через Ла-Манш и обратно, рассказал бы, как зовутся все паруса, показал бы пушки и закат над морем, дал подержаться за штурвал, познакомил бы с боцманом, у которого попугай, рыжая борода и вонючая трубка. И внук так очаровался бы всем этим, что и не представлял бы своего будущего на суше!.. Но дед погиб, и Майкл возненавидел море.

Я поймал себя на том, что уже не слышал ни слова из произносимых лектором. Света продолжала:

– При таком раскладе не удивительно, что Майкл искал любые способы спастись от мореходного училища. Скажи он напрямую, мол, хочу поступить в университет – родители бы его заклевали. Но на свое счастье он знал, что для навигации всюду используют компас, а компас, говорят, допускает ошибки. Есть какие-то поля, которые сбивают его, из-за этого корабли сходят с курса. И вот Майкл Фарадей заявил родителям: мой долг (неплохо придумал, а?) – долг! – изучить физику магнитных полей, чтобы спасти морские суда от трагических ошибок. Представил все под таким благородным соусом, что никто не смог возразить – и Майкл поступил в университет, и стал великим ученым, и открыл электромагнитную индукцию. Так что мир обязан открытием тупорылым родителям Фарадея... и еще тому факту, что дед-моряк вовремя погиб.

Вот теперь наступила моя очередь молча пялиться на собеседницу и не верить услышанному. Это вышло настолько в точку, что до боли.

Я спросил после паузы:

– Откуда ты это знаешь?

Тогда Света сказала подряд три фразы, каждая из которых впечатлила меня больше, чем предыдущая:

– Прочла где-то и запомнила. А может, только что выдумала сама. А разве есть разница?

И вправду разницы-то никакой! Неважно, было ли так на самом деле – важно, что так МОГЛО БЫТЬ. Этого достаточно, от одной этой возможности стало светло в голове.

– Спасибо, – сказал я, чувствуя отчаянное желание расцеловать соседку.

Лекция окончилась.

Мы никогда так и не целовались со Светой. Сложилось иначе. Она стала моей лучшей подругой на многие годы. Читала все, написанное мною, поддерживала в те моменты, когда критики разносили в пух и прах, и не стеснялась говорить правду тогда, когда все прочие хвалили.

А в моем блокноте осталась единственная цитата из текста лекции. Вот она:

«Неверно рассматривать явление индукции как связь причины и следствия. Связь между электрическим и магнитным полями намного теснее. Здесь причина так же невозможна без следствия, как и следствие – без причины».

* * *

Пирожки миссис Бейкер стоили по три пенса за штуку. «Лучшие пирожки в Ливерпуле» – так значилось на вывеске. Ниже мелким приписка: «возможно».

Три пенса – это бутылка молока и полфунта хлеба. Какое ни есть, а все же пропитание на день. Можно прожить сутки, особенно ребенку. Глэдис Уайтхил привычно пропустила эту мысль сквозь сознание, уже не удивляясь и не ужасаясь ей.

– Доброе утро, миссис Бейкер! Как здоровье?

– О, спасибо за заботу, Глэдис, вы как всегда милы! Как ваши маленькие: прелестная Роза, умный Джекки? Щечки все такие же розовые?

Хозяйка лавки искусно обошла вопрос об еще одном человеке, и Глэдис была признательна ей.

– Растут, миссис Бейкер, грех жаловаться. А вот погода-то портится, верно?

– О, да, чистая правда. Облака сгущаются, того и гляди, дождь пойдет – всех покупателей распугает. Ведь кто на улицу в ливень выйдет? Пирожков с телятиной вам, как обычно, душечка?

– Уж кому-кому, но не вам опасаться за покупателей. Ваши пирожки чертовски вкусны, никто мимо не пройдет! – И как можно непринужденнее, совершенно без дрожи в голосе: – Мне две штучки, миссис Бейкер.

– Две?..

Это даже не был вопрос. Точней, лишь на секунду вопрос – а потом уже не вопрос, а обычный треп и обычная улыбка умиления на круглом лице, и деловитые движения, которыми хозяйка подхватывает два пирожка и укладывает в бумажный пакет. В мгновение между вопросом и улыбкой по рыхлому лицу миссис Бейкер прошла туча.

По средам и воскресеньям, в эти дни она не работала, Глэдис Уайтхил заходила сюда за гостинцами для деток. И Роуз, и Джек обожали пирожки. Традиция оставалась неизменной уже больше года. Только в марте Глэдис брала по шесть пирожков, с августа – уже по четыре, зимой – по три, а теперь...

– Спасибо, миссис Бейкер. Пахнут просто великолепно!

Она протянула монеты, и хозяйка взяла их, чуть помедлив. Поблагодарила за покупку, многословно попрощалась. Глэдис направилась к выходу, а когда взялась за дверную ручку, миссис Бейкер окликнула ее:

– Душечка... – замялась, продолжила неловко, спотыкаясь. – Вы знаете, милая, я слышала... В порту люди говорят... Нет, вы, пожалуйста, не подумайте, но сюда заходит один боцман, и он сказал, что если уже полтора года прошло, то вряд ли...

– Я это понимаю, миссис Бейкер. Спасибо за заботу.

– Простите, душечка, простите старую дуру! Вот... пожалуйста, еще один пирожок возьмите – от меня для Розы.

Глэдис взяла и вышла.

Три пенни – это хлеб и молоко на день. Еще овсяная крупа, зелень, лук. Еще дважды в неделю пирожки и хотя бы раз в неделю овощи или яблоки. Итого на троих – два шиллинга в день.

Добавим жильё. Часть платы за две комнаты Глэдис отработывает, стирая вещи для мистера Карпендера – домовладельца – и других жильцов. Однако комнат у них по старой памяти две, да окнами на улицу, а труд прачки никогда не ценился высоко, так что часть квартплаты остается непокрытой. Итак, общим счетом неделя жизни обходится в один фунт.

Уходя в плавание, Стивен оставил сто пятьдесят фунтов. На год этого хватало с лихвой: с окнами на улицу, с кофе и булочками, с парой новых платьев для Глэдис и игрушками для детей. Стивен уходил штурманом, и, вернувшись спустя год, должен был привезти не меньше трех сотен, и Глэдис верила, что скупая арифметика нищеты уже никогда не коснется их.

Прошло девятнадцать месяцев. Обогнув Африку и Мадагаскар, миновав Индийский океан, зайдя в Кейптаун, Сингапур и Джакарту, бригантна «Елизавета» вернулась бы в ноябре.

В декабре была тревога. В январе – раздражительность, слепые вспышки гнева. В феврале – страх. В марте – слезы, отчаянье, безнадега. А теперь осталась хладнокровная математика и двадцать один фунт, то есть – пять месяцев жизни.

«Дорогая, ты очень даже ничего! Ты, знаешь, как добротная скаковая кобылка», – говорила подруга Маргарет. «Душечка, почему бы тебе не подумать о... Ну, ты понимаешь, ведь девушке очень сложно оставаться в такой ситуации...» – говорила миссис Бейкер. «Глэдис, вы еще молоды и недурны собою. Вам можно и даже должно позаботиться о будущем», – говорил мистер Карпендер. Все трое чуть смущенно опускали взгляд и быстро сводили разговор на другую тему. Глэдис знала, от чего они смущаются: ее лицо при подобных словах выражало отвращение и презренье. Даже подумать о таком варианте – значило бесповоротно признать тот факт, что Стивен уже не вернется, никогда. Глэдис этого не могла.

Что остается? Она грамотна, быстро читает и сравнительно сносно пишет. Однако с ее неуклюжими манерами, косноязычностью, мозолистыми руками и фигурой «скаковой кобылки» – кто возьмет ее в гувернантки?

Еще есть дядя Роджер в Уорикшире.

Глэдис обдумала все, петляя припортовыми улочками под морозящим дождем. Она предпочитала не предаваться размышлениям дома, поскольку не умела скрывать от детей своих мрачных мыслей. Вернулась спустя час уже с готовым решением и, пока дети с восторгом жевали, сообщила:

– Роузи, Джеки, послушайте. Наша с вами жизнь скоро изменится. Мы переедем в Уорикшир, в деревню. Роузи, куколка, ты должна помнить – мы были там три года назад, там дедушка Роджер и бабушка Дженни. Помнишь?

– Угу, мам, – выдавила девочка с полным ртом. – Эфо фам, хте офечки?

– Да, милая, там овечки и лошадки, и поля красивые – такие зеленые-зеленые, и речка. Ведь там хорошо, правда? Тебе же нравилось?

Роуз и вправду там нравилось. Еще больше ее вдохновило само предстоящее путешествие, и девочка с радостью кинулась собирать вещи. А пятилетний Джек не хотел уезжать.

Он не помнил ни поля, ни деревню, ни двоюродного деда, но понял, что скоро очутится вдали от моря, кораблей и порта, откуда должен вот-вот появиться папа. Джек ушел в отцовскую комнату и разревелся, спрятавшись под стол. Глэдис не трогала его. Мальчику хватило часа наедине с собой, чтобы смириться с неизбежностью.

Нэрроу Бридж был обычной деревенькой на Эйвоне: домики под ветхой черепицей, низкие заборчики из потемневших досок, глиняные сараи и разлапистая мельница на холме. Вокруг – изумрудно-зеленые луга с тучными овцами, похожими издали на желтоватые сугробы.

Дядя Роджер был крепким, широким мужиком с окладистой бородой и сперва производил впечатление человека основательного, весомого. Однако, присмотревшись, можно было заметить его неуверенный взгляд, косящийся или падающий в землю, и кисть его левой руки, которая никогда не находила себе места – то лезла в карман без дела, то теребила пояс, то почесывала брюхо.

Гостя и хозяин сидели на деревянных скамьях через стол друг от друга. Глэдис говорила, дядя слушал и хмыкал, избегая смотреть в глаза. Тетка Дженнифер – не родная, а родственница лишь в силу замужества с дядей, – налила Глэдис молока и уселась на одну скамью с Роджером, но не возле него. Тем самым она вроде бы оставалась в стороне от разговора, но и получала возможность видеть обоих. Роузи, Джек и четверо внучат Роджера были изгнаны во двор.

Когда Глэдис окончила, какое-то время была тишина. Дядя шумно дышал и скреб ногтями скатерть. Наконец спросил:

– Значит, э... ты полагаешь, что того... Стивен не вернется?

Глэдис кивнула.

– И... э... к нам хочешь с детьми, да?

– Дядя, в Ливерпуле нам жить негде. Когда кончатся деньги, окажемся на улице. Останется только побираться.

Дядя покосился на тетку Дженни. Та смотрела исподлобья – молча, но звучно.

– Видишь, дочка, тут оно вот как. Ты понимаешь...

Она и видела, и понимала. В доме жило девять человек: Роджер с женой, их дочь – старая дева, и многочисленное семейство их младшего сына. Работать в поле изо всех могли только трое, а скотины было – пара коров да полдюжины свиней. Пока дядя многословно и сбивчиво излагал эти обстоятельства, Глэдис перевела взгляд на тетку.

– Я могу работать, – сказала девушка. – Умею стирать, шить, вязать, готовить.

– Это и я умею, – отрезала Дженнифер.

– Я научу всех ваших читать и писать.

– А на кой оно здесь?

– У меня есть пятнадцать фунтов.

– На дюжину глоток – это не манна небесная, милочка.

– Мне больше некуда деваться, тетя Дженни. Хоть на паперть.

– Это теперь так говоришь, чтобы разжалобить. А полгода не пройдет, как сыщешь кого-то. Девица-то крепкая, с ляжками, еще и читать вон умеешь.

Глэдис вспыхнула, Дженнифер презрительно поморщилась.

– Хотя бы детей пожалейте, прошу. Ради Господа и девы Марии приютите.

– А перед Господом-то наша совесть чиста. Вон четверо нахлебников и так. Думаешь, милочка, мало этого Господу?

Глэдис встала и, не прощаясь, пошла прочь. За руки выдернула Роуз и Джека из стайки детей, потащила. У калитки их догнал дядя Роджер.

– Ты, дочка, ты прости, что мы так... Ведь и вправду не можем...

– Христос простит, вы перед ним выслужились.

Роджер потупился, но придержал ее за плечо.

– Ты вот что... за холмом, за мельницей, на отшибе живет вдова Глик. Она одна в большом доме, ее боятся. Магда Глик. Ты э... зайти к ней, может быть...

Дом вдовы и вправду оказался велик – двухэтажный, каменный, со ставнями, с плющом, вьющимся по стенам, похожий на жилище небогатого помещика. Однако запущен непростиительно: полуоткрытая калитка перекосилась и вросла в землю, сад в бурьянах, на лужайке прямо перед дверью бродят куры. Сама вдова сидела на скамье у входа, сложив руки на коленях – старуха лет семидесяти, седая, пожелтевшая и выцветшая. Однако смотрела на Глэдис с живым любопытством, цепко.

– Ты и вправду ко мне, не ошиблась?

– К вам, миссис Глик. Доброго здоровья.

– Городская будешь? Из Ковентри?

– Из Ливерпуля.

Глаза старухи округлились. Если бы во рту ее доставало зубов, она бы, пожалуй, присвистнула.

– И с каким делом из такой дали в нашу глушь?

Глэдис попросила детей отойти в сторонку, а затем обстоятельно рассказала свою историю.

– Хм, – выслушав, сказала миссис Глик таким тоном, будто это ее хмыканье полностью и ясно выражало всю суть. Еще поразмыслила немного, потерла руки и добавила: – Нет, вам здесь не место.

Глэдис не ответила, но и не встала, продолжала молча сидеть возле вдовы.

– Нет, ты сама посуди, – повела дальше миссис Глик, – ты же городская девица, и дети твои городские. Как здесь жить будете? От скуки взвоете. Да и пользы от тебя немного – не умеешь ничего.

Глэдис Уайтхил и вправду мало что умела из сельских дел. Однако, выросшая в портовых трущобах переполненного жизнью города, она умела кое-что поважнее: разбираться в людях. Она сказала:

– Тропинка к вам заросшая, миссис Глик. И калитку не откроешь. И запущено все – видно, никто не помогает с хозяйством.

– И что?

– А дом большой. Есть куры – значит, и яйца. Вон виноград растет.

– Ну и?

– Значит, никто к вам не ходит, миссис Глик. Хотя причины ходить есть. Стало быть, боятся. Надо думать, считают вас здесь ведьмой или еще кем.

– И что с того? – голос вдовы стал скрипучим, но любопытства во взгляде прибавилось.

– Вам скучно так, что завывать впору. Поговорить не с кем. Новостей никаких. Делать нечего – силы не те. Сидите на лавке и смотрите на тропку, по которой никто никогда не ходит. Но все же смотрите: авось кто пройдет? Авось хоть собака пробежит? А придет время – начнете помирать. Так никто и близко тогда не подойдет, даже священника не позовут, через месяц после смерти только узнают.

Это была мрачная правда, но Глэдис угадала верно: старуха уважала правду, пусть и мрачную.

– Ты здесь приезжая, – сказала вдова, – не знаешь кое-чего. Боятся меня потому, что думаю, я мужа отравила. Что на это скажешь?

– Мне все равно. Пусть и отравила – значит, причины были.

– Ну, а ты-то меня бояться не станешь?

– Я? – Глэдис чуть усмехнулась. – Миссис Глик, я прожила двадцать семь лет у Ливерпульского порта. Матросские драки видала, бандитов, испанских пиратов, шаманов вуду, рабов, повешенных и утопленников...

– Ну, хватит, хватит! Вижу, что не из пугливых. По душе ты мне. Только вот еще скажи: ты грамоту знаешь? Сможешь вслух газеты читать?..

За тринадцать фунтов Глэдис Уайтхил купила шестерых овец. Говорили, что она переплатила, однако овцы были действительно хороши. Пасти их по первой было некогда: слишком много времени уходило, чтобы привести в порядок вдовье хозяйство. Глэдис оттирала закопченные окна, вымывала многолетнюю пыль, выпалывала сорняки, под руководством миссис Глик рассаживала новые кусты крыжовника и смородины, подрезала яблони, отгородила загончик для кур. Овец она поручила сынишке Джемсонов. Каждый день он выгонял на холмы родительскую отару и подбирал заодно шестерку Глэдис. За это Глэдис кормила мальчика ягодами, говорила с ним по-доброму и иногда гладила по голове. Миссис Джемсон никогда не делала ничего подобного – еще чего, сюсюкать с тринадцатилетним парнем... Позже, когда овец стало уже больше двух дюжин, Роуз Уайтхил научилась их стричь и пасти.

Хозяйство миссис Глик и Глэдис давало ягоды, яйца, шерсть. Здесь, в деревне, продавать все это было сложно: скупщики не заезжали к дому вдовы, а односельчане остерегались иметь с нею дело. С отчужденною опаской стали относиться и к Глэдис. Она предвидела это, и остатки своих сбережений тратила, чтобы нанимать телегу и возить товар на рынок в Ковентри.

Пару раз ее надули, но девушка хорошо умела считать и скоро сориентировалась в ценах. Городские торговцы полюбили иметь дело с нею: Глэдис быстро соображала, легко считала в уме, говорила пусть грубовато, но бойко, по-городскому. В Ковентри ее признавали своей, не «тупой деревенщиной».

За год она прекрасно научилась торговать и предложила сельчанам возить их товары на продажу. Глэдис Уайтхил брала себе пенни с каждого вырученного шиллинга, но сельчане скоро смекнули, что пользоваться ее услугами все равно намного выгодней, чем продавать самим. Ведь Глэдис за фунт той же самой шерсти или галлон того же молока умудрялась взять на четверть больше денег.

Спустя три года после переезда у вдовы Уайтхил были свои лошади, телеги, извозчики, самая большая отара овец в округе. Постепенно, выискивая цены пониже, она начинала скупать окрестные пастбища. Ее больше не звали Глэдис, и уж тем более – дочкой или милочкой. Это была расчетливая, прижимистая, предусмотрительная помещица, покровительница Нэрроу Бридж. Все же она по-прежнему старательно выполняла свое обещание и каждое утро за чаем читала вслух для старухи Глик привезенную из города «Таймс».

Однажды утром, за чаем, они первыми в округе узнали, что в Ливерпуле случилась чудовищная эпидемия оспы. В портовых районах, откуда распространилась напасть, умирал каждый второй. Кое-где – из трех двое. Чтобы оспа не разнеслась по всему острову, королевские войска оцепили город. Глэдис твердо решила позже, после эпидемии, поехать туда и разузнать, что стало с бывшей подругой Маргарет и доброй миссис Бейкер, хозяйкой «Лучших пирожков в Ливерпуле». О том, что могло стать с нею самой и с детьми, вернись Стивен тогда из плаванья, вдова Уайтхил предпочла не думать.

* * *

– Пресвятая дева Мария, в час тяжелого испытания, в душевном трепете к тебе взываю, на тебя одну уповаю. Ниспошли мужества и сил, чтобы пройти испытание, помощи не впасть в отчаяние, не утратить надежды...

Яркая фигурка пречистой девы с младенцем на руках и две свечи, приплавленные воском к столу, составляли центр крошечного мирка. Все царство земное вмещалось сейчас в дере-

вянные стены душной, темной каюты. А там, за стенами, бушевал ад. Был треск, грохот, стон дерева, волчий вой ветра, чьи-то крики. Буря сокрушала бригантину «Елизавета». Швыряла с вала на вал, разрывала снасти. Отец Паркер стоял на коленях, вцепившись рукой в крышку стола, а другой удерживал фарфоровую деву Марию и выкрикивал слова молитвы так громко, чтобы слышать их. Звук собственного голоса давал ему клочок уверенности.

– Пресвятая дева, я, смиренный раб твой, припадая к стопам твоим, молю об одном. Дай смелости мне встретить смиренно беды, ниспосланные тобой, пройти сквозь все, сохранив надежду, укрепившись в вере...

Чудовищный взрыв, будто пушечный, оборвал молитву, и корпус судна вздрогнул. Отец Паркер дернулся, замер, вслушался. Мелькнула отчего-то надежда, что вот этот взрыв и был самым страшным, что их ждало, а теперь ужас позади, и шторм станет утихать. Несколько секунд так и было, но затем ад навалился вновь, а пол накренился – священник увидел, как огонек свечи образовал с парафиновым стержнем неестественный угол.

– Да что же это?..

И тут дверь распахнулась. Вплеснулся холодный ветер, ворвалась фигура в темном вымокшем плаще. Капитан сорвал треуголку, встряхнул головой по-собачьи, сбрасывая капли с лица, бровей.

– Молитесь, отче? Правильно, молитесь. Сейчас время.

– Что был за шум, капитан?

– Фок-мачта, – моряк вдруг сплюнул на пол. – Теперь нам крышка. Так что молитесь за всех. Нам, знаете, повезло, что вы у нас есть.

В последних словах была холодная ненависть.

– Как же? – Святой отец встрепенулся. – Как, вы говорите, крышка? Не смейте так! Господь послал нам испытание, если мы пройдем его с верою, то пречистая дева...

Капитан недобро хохотнул, оскалившись:

– Испытание, отче? Да вы бы на палубу нос высунули хоть раз! Парусов уже нет, четверть команды за бортом, осталась одна чертова мачта. И мы пьем воду. Если вдруг каким-то дьяволом так выйдет, что не пойдем ко дну сразу, то это еще хуже будет! Тот обрубок, что от нас остался, не пройдет и сотню миль! Так что, отец, молитесь, сколько успеете.

Капитан выбежал из каюты, и священник еще услышал обрывок его крика:

– О'тул, лентяй чертов, сейчас же...

Отец Паркер в смятении прижал фигурку к груди и зашептал – уже без пафоса, но горячо, истово:

– Пресвятая дева, как же это? За что ты караешь нас? Во славу твою мы пошли в это путешествие! Твоим именем я несу веру чужакам и дикарям. Я жажду, чтобы слово Господне достигло... За что же это наказание?

В ту минуту, когда вода переполнила трюм и хлынула в каюту, выдавив дверь, дева Мария ниспослала отцу Паркеру ответ. Он принял форму бредовой идеи, галлюцинации, пронзившей сознание: здесь не было кары божьей, один лишь расчет. Эти люди не провинились ни в чем, просто их смерть причинит больше добра, чем их жизнь.

Ложась на борт и черпая пробоиной воду, бригантина проваливалась вглубь воронки.

На волосок от жизни

Не только наше время

1.

15 июня 2006 года, Киев

Доченька,

вчера я прошла биопсию. Вероятно, зимой меня не станет, и ты получишь это письмо.

Я оставляю в твоём распоряжении издательство – дело последних лет моей жизни. Ты хороший руководитель, и, я уверена, наша компания надёжно обеспечит твоё будущее. Также оставляю в наследство квартиру на Прорезной и дом с большим лохматым псом, который грызет орехи.

За полгода, что ещё есть в запасе, мы успеем обсудить и уладить все необходимое. Здесь хочу сказать о другом.

Как ты знаешь, мой прадед Василий Андреевич служил лейтенантом в царском флоте и погиб на броненосце «Бородино» при Цусимском сражении. Его жена, прабабушка Софья, была потомственной петербургской дворянкой. Я показывала тебе её фото – в черном атласном платье и шляпке. Ты ещё сказала, что я похожа на неё. Это была чета настоящих русских аристократов, и в нас с тобою течёт их кровь. Всегда помни об этом, как бы ни сложилась твоя жизнь. Принимая важное решение, прислушайся к голосу крови. Я прошу тебя об этом.

Судьба нашего рода складывалась нелегко. Были три войны, революция, голод. К сожалению, из наследия прабабушки Софьи до меня дошла только одна вещь – зеркальце в серебряной оправе с жемчугом. Ты видела его однажды вскользь. Мать говорила, что зеркало – некий талисман, оберегающий женщин нашего рода. В нём, якобы, содержится сила, которая помогает девушке вызвать в любимом ответные чувства. Твоя бабушка Оля была суеверна, боялась черных котов, лестниц и цыган, и могла провести час-другой, выслушивая душеспасительные рассказы свидетелей Иеговы, так что её слова стоит воспринимать с точки зрения здоровой критики. Однако нельзя отрицать и то, что все женщины в нашем роду, начиная от прабабушки Софьи, были очень счастливы в браке, не разводились, не видели смерти своих детей.

Вот и ты замужем. Женечка – замечательный молодой человек. Видно, что он очень любит тебя, и, надеюсь, так будет всегда. Сила талисмана – есть она или нет – теперь вряд ли пригодится тебе. Однако, прошу, обращайся с зеркалом бережно, не продавай его и не дари, сохрани как память о наших дворянских корнях и как символ нашей родовой чести. А когда придет время, передай его дочери, как я передаю тебе.

Очень люблю тебя, дорогая Оленька. Прости за прохладный тон письма – это моя защита от боли и печали, переполняющих душу. Если сейчас дам чувствам волю, они сожрут меня без остатка.

Прощай.

Н.К.

2.

Наташечка, солнце мое золотое! Вот и пришла нам пора прощаться. Но ты не горюй, не плачь и не печалься – ведь на то и жизнь. Я пожила, и будет с меня. Так что ты не переживай – все движется своим чередом: старики уходят, приходят молодые. Это от бога и от природы.

А жалеть мне совершенно не о чем. Мы с Костенькой прожили свои годы, как подобает, с чистой совестью. Знаешь, много чего пережили – такое уж выпало время. Молодость прошла

в разруху послевоенную, потом работали на севере, трудились много, не покладая рук, родили троих детей. Так что пора на заслуженный отдых. Чего еще мы на свете позабыли-то?

Потом, мне уже пятьдесят один. И бабка, знаешь, и прабабка – обе умерли намного раньше. Так вот нам на роду написано. И тебя, наверное, не минует, но ты воспринимай как нужно: все от бога. Жалею только, что не дождалась внучков. Значит, на то воля была.

Хочу рассказать тебе вот что. С письмом передаю тебе, Наталочка, зеркало серебристое, то, что ты с ним в детстве играть любила. Это зеркало твоей прабабки Софьи, той, которая была дворянка. Ты не сильно-то болтай, поскольку мы уже с Костенькой и так потерпели за эти голубые крови. Но я скажу тебе один секрет. В зеркальце, знаешь ли, есть колдовство. Талисманом этим можно притянуть к себе суженого. Когда я встретила Костю, и начала когда о нем подумывать, то улучила момент и через зеркало на него посмотрела. И сразу, знаешь, как искра проскочила, я сразу поняла, что за этого мужчину мне нужно держаться. Дальше вся жизнь сложилась счастливо – так, что и пожаловаться не на что. Талисманом, конечно, я больше не пользовалась – божьей милостью нельзя злоупотреблять. А тебе завещаю. Верь зеркальцу, оно поможет и не обманет. Потом поблагодари его – так нужно.

Будь счастлива, ненаглядная Наташенька! Люблю и обнимаю крепко. Не горюй обо мне. Мамочка.

3.

Здравствуй, Оля!

Как твои дела? Как складывается жизнь в Киеве? Чем порадуешь?

Я лежу в клинике. Меня, кажется, лечат: ежедневно колют какую-то мерзость, при-
нуждают дышать через трубку, дают настой на травах, теплый как помой. Все это помогает, словно мертвому кадилло: каждую ночь просыпаюсь и харкаю кровью. Доктор избегает говорить со мною и посылает для этой цели медсестру, из чего я делаю очевидные выводы.

По вечерам меня навещает Саша, всякий визит сопровождается скандалом с дежурным врачом, поскольку в инфекционное отделение посторонним являться никак не следует. Эти перепалки раздражают до крайности, а кроме того, мне стыдно представлять его взгляду в столь плачевном виде. Так что я и не рада его посещениям, но не нашла пока способа отговорить.

Если так случится (а, думаю, случится именно так), то с Сашей я передам тебе свое нехитрое наследство. Имуществом, как ты знаешь, почти не располагаю – разметала война. Однако об одной вещи хочу упомянуть особо. Со времен жизни в Петербурге моей матери принадлежало макияжное зеркало в серебряной с жемчугом оправе. Оно выполнено хорошим ювелиром, но подлинная его ценность – не в деньгах. Посмотри в зеркало на мужчину, и ты поймешь, что он собою представляет. В отражении предстанет не внешность, но суть. Ты распознаешь без ошибки лжеца, изменника, предателя, труса. Ты не свяжешь жизнь с ничтожеством, не выберешь мерзавца отцом своих детей. Не подпускай к себе того, кто сделает тебя несчастной. Твоя будущая дочь заслуживает достойного и благородного отца. Помни себя, наследница рода Смоленских. Знаю, теперь опасно говорить подобные вещи, а потому ты и не говори. Просто помни.

Будь счастлива, дорогая.

Мэри.

PS Это важно. Всякий раз, как зеркало поможет тебе, поблагодари его – иначе оно может утратить силу.

4.

27.10.1922

Мария, дочь.

Знаю, что ты возненавидела меня, полагая, будто я предала память твоего отца-героя. Однако же, прошу тебя прочесть полностью это послание.

По всей видимости, чахотка сведет меня в могилу много раньше, чем я полагала. Размышляя о том, стоит ли открыться тебе, я осознала, что не хочу умирать непрощенной и отягощенной грузом твоей ненависти. Может случиться, узнав тайну, ты исполнишься презрением и отречешься от меня. Однако же это станет справедливым воздаянием, в противовес тому несправедливому гневу, который ты питаешь сейчас.

Рассудив таким образом, я приняла решение вскрыть два секрета и развенчать две лжи относительно меня и твоего отца.

Вне сомнений, тебе известны слухи о том, будто я, баронесса Софья Дмитриевна Смоленская, уличена была в занятиях черной магией и запятнала свое имя связью с нечистой силой, и что именно по названной причине нам с тобою пришлось покинуть Петербург. Это верно лишь отчасти. Действительно, я посвятила известное количество времени знакомству с науками, которые принято именовать оккультными. Однако лишь единожды за все годы жизни я прибегла к помощи сего знания, и деяние это хранила в полной тайне до нынешнего дня.

Также ты слышала, что твой отец, Василий Андреевич Иволгин, лейтенант флота, героически погиб в 1905 году при Цусиме, исполняя долг перед отчизной. Это вовсе не соответствует истине. Лейтенант Иволгин даже не состоял в списках экипажа броненосца «Бородино», а равно и любого другого судна Тихоокеанской эскадры. Я смогла в этом убедиться летом 1905 года, когда обивала пороги Адмиралтейства в попытке узнать хоть что-то о судьбе пропавшего мужа. Действительность такова, что еще в сентябре 1904 года, накануне отправки флота, Иволгин был списан на берег. Девять месяцев, пока эскадра огибала Европу и Африку, двигаясь навстречу гибели, и девять месяцев после сраженья он провел в Ораниенбауме, сожительствуя с любовницей Светланой Лившиц.

Весной 1906-го, когда освобожденные из японского плена моряки стали возвращаться в Петербург, вернулся и он. Я любила. Если бы Иволгин покаялся, сознался во всем, я не смогла бы не простить его. Однако он скрыл. Когда он взялся повествовать об ужасах Цусимской битвы, я приняла решение.

При помощи опиума я сохраняла в нем жизнь и сознание на протяжении четырех часов, которые потребовались мне для полного ритуала. Затем он начал умирать, и пока длился процесс, я удерживала зеркало над лицом мужа, так, чтобы он не мог видеть ничего иного, кроме своего отраженья. И после я продолжала удерживать зеркало – до тех пор, пока тело иволгина не начало остывать. Согласно ритуалу, его душа, целиком, без остатка, оказалась помещена в стекло. В ту ночь ты спала спокойно в колыбели и ни разу не заплакала.

В результате ритуала зеркальце, как и следовало, приобрело определенное свойство: при взгляде через него на другого человека, я видела отражение души. Я проверяла им каждого нового знакомого, и точно знала теперь, на кого можно полагаться, а от кого ждать беды. Так мы сумели выжить в первую мировую и в гражданскую, так мы избежали большевицких бесчинств. При помощи зеркальца я нашла второго мужа, и не была обманута в ожиданиях. Вы с отчимом невзлюбили друг друга, он бывал жесток с тобою, однако же, это надежный и преданный человек.

Согласно моим знаниям, стоит разбить зеркало, и оно утратит силу, но заключенная в нем душа обретет свободу. Я так и не сумела до конца простить Иволгина и сохранила артефакт в целостности. Сейчас, умирая от чахотки сорока двух лет от роду, несу кару за это. Пришло мое время собирать камни. Но нередко, порою каждый день, я говорила с зеркальцем, повествовала о последних событиях, описывала знакомых, иногда пересказывала книги. Мои слова были ему пусть небольшим, но утешеньем, тонкой нитью связи с миром божьим. Потому говори с ним и ты, рассказывай о себе, благодари за помощь. Имей жалость и снисхождение к невольнику.

А когда почувствуешь, что готова отпустить, – разбей стекло.

С надеждой пусть не на прощение, но на понимание,
Софья Смоленская.

Букашки за стеклом

Наше время

Уильям Браун не любит говорить об инопланетянах.

Когда его спрашивают: «А правда?..» – и делают многозначительную паузу, он переспрашивает: «Что – правда?» – в надежде, что речь пойдет о чем-то другом.

– Правда, что ты видел пришельцев? – настаивает собеседник, и мистер Браун с неохотой отвечает:

– Ну, да...

– А правда, что они зеленые и тощие, как головастики?

– Не совсем.

– А ты разговаривал с ними?

– Ну, да...

Здесь терпение мистера Брауна, как правило, исчерпывается. Собеседник с фантазией мог бы спросить еще, к примеру: бывал ли Уильям на пятой планете молодой звезды Регул? Преодолевал ли он семьдесят семь световых лет прежде, чем выдохнул кислород, зачерпнутый легкими еще на Земле? Восхитились ли чужаки мудростью Уильяма? И даже: открылся ли ему принцип синкретического подобия локализованных пространств? На все эти вопросы собеседник с фантазией получил бы положительный ответ, не будь он резко прерван Уильямом Брауном:

– Это все – космическая чепуха. Пришельцы всякие... Ничего здесь нет интересного. Лучше давай-ка я расскажу тебе про банку с букашками.

И затем, независимо от ответа, он приступает к одному и тому же повествованию.

Шел март – холодный и сырой. По утрам Уильям Браун выходил на прогулку в лес. Он вдавливал сапоги в липкую жижу, с усилием выдергивал их обратно и размышлял о своей ненависти ко всем мыслящим существам, начиная от голландских колонистов, четыре века назад разместивших свой поселок в этой убогой глуши, и заканчивая лабрадором цвета слоновой кости, который являлся причиной утренних прогулок. Пса звали Казак, он был бесстыдно красив и нахально веровал в то, что все вокруг обязаны его любить. Именно Казак первым обнаружил банку.

Пес деловито встрял мордой в кусты, торчащая наружу его хвостатая задница судорожно завилыла, а невидимая в листьях голова удивленно твякнула. Уильям подошел поглядеть.

Среди кустов, увязнув на четверть в грязи, лежала округлая стеклянная емкость с открытым верхом, размером с тыкву. В емкости имелось некоторое количество песка, а в нем, едва заметные, копошились насекомые. Они были кирпично-рыжими и, вероятней всего, принадлежали к породе муравьев. Уильям обозначил их для себя более общим термином: букашки.

Песок, блеск и прозрачность стекла, расцветка букашек – все это навело на ассоциации с пустынями, сухим субтропическим зноем. Неожиданно для себя Уильям подумал: «Бедняги! Как же вы озябли, должно быть!» А затем подумал: «Март... в мае уж точно станет тепло. Тогда и выпущу вас». Он поднял банку с букашками и поволок домой.

Вопрос еды для муравьев был решен мгновенно. Уильям не сомневался, что сахар вполне подойдет. Все любят сахар, даже бегемоты. Он рассыпал ложку сладких кристаллов по поверхности песка в банке и с удовлетворением наблюдал, как букашки растаскивают их по укромным местам. Несколько сухих палочек и листьев, упавших внутрь аквариума еще в лесу, давали муравьям некое подобие безопасности. Мистер Браун приподнял и пошевелил одну из палочек.

чек – букашки тут же бросились из тени врассыпную, толкая перед собой крупички сахара. «То-то же!» – прокомментировал мистер Браун.

Он расположил банку на письменном столе, поближе к радиатору отопления у стены, подальше от влажного носа Казака. Отогревшись, букашки забегали энергичнее: заползали на листья, сбивались в стайки, движущиеся единообразно, сливались с другими стайками и растекались вновь. Какое-то время мистер Браун поглядел на букашечьи пермутации, но вскоре заскучал и взялся за ворох свежих газет. Он выписывал их с полдюжины, желая чувствовать себя человеком осведомленным, и прочитывал из каждой лишь вопиющую сенсациями передовицу да страничку спортивных новостей. То и другое проделывал, впрочем, вдумчиво и неторопливо.

Первый сюрприз букашки преподнесли Уильяму ближе к обеду, когда с газетами, яичницей, сендвичами и кофе было покончено. Он бросил беглый взгляд на банку и отметил в ней некую перемену. Присмотрелся, придвинул емкость поближе, водрузил на нос очки – и ошеломленно выдохнул: «Ишь ты!..» Три сухих палочки, что утром лежали на песке, теперь были подняты и установлены почти вертикально: одна доставала до верхнего края банки, две другие подпирали ее. Как удалось муравьям, при их ничтожном размере, соорудить этакое – не укладывалось в голове Уильяма. Но, так или иначе, мост на волю существовал, и по нему уже карабкались вверх, к границе стекла, несколько букашек.

С минуту мистер Браун взирал на них, и когда разведчики были уже близки к концу моста, принял решение. Он стряхнул муравьев вниз, а длинную палочку разломал на части и также бросил на дно банки. «Смотрите мне», – наставительно сказал напоследок.

То был март, богатый событиями. Перенаселенные азиатские страны вспыхнули истерией строительного бума и громоздили небоскребы, все дальше выдавливая их в океан на бетонных постаментах; тысячетонные сухогрузы с арматурой и цементом вереницей сползались к Сингапуру, Гонконгу, Шанхаю... Челнок «Инфинити» взорвался в стратосфере и возвратился на землю пыльным шлейфом металла и топлива, с крохотной примесью органики... Уильям Браун мало интересовался этим. Его взгляд и внимание все сильнее притягивались к обитателям стеклянной емкости. Просыпаясь утром, возвращаясь с собачьих прогулок или с вылазок на работу, он ловил себя на мысли: «Ну, что там? Не вычудили чего новенького?»

Муравьи распорядились отпущенным им стройматериалом бережливо и разумно. Из обломков веточек и нескольких листьев они соорудили три приземистых укрытия, основательно вкопанных в песок. Размеры укрытий были таковы, что вмещали всех букашек, их яйца, небольшой запас сахарных крупичек – и оставалось еще место. А по прочности они выдерживали прямое попадание кубика сахара-рафинада и даже экспериментальной пятицентовой монеты. Уильям никак не мог застать муравьев за самим процессом стройки – казалось, они работают лишь тогда, когда человек не смотрит. Позже он сообразил: дело в настольной лампе. Когда она зажжена, муравьи прячутся от света, когда погашена – берутся за дело. Мистер Браун бросал в банку несколько спичек, щелкал выключателем и впотьмах сидел у стола, переносицей чувствуя, как идет за стеклом невидимое, бесшумное, целеустремленное копошение. С большим трудом выдерживал полчаса и заставлял нить накаливания вспыхнуть: одна из спичек уже стояла вертикально и колонной подпирала сухой березовый листочек.

Сплоченность и координация действий букашек стали вызывать в Уильяме чувство обиды и зависти. «Нет, ну ты посмотри, а!» – со злостью шептал мистер Браун и все явственней ощущал желание рассорить муравьев. Он прекратил давать им сахар. Точнее – сыпал всего несколько крупичек в день. Букашки делили эти крохи между племенами, скармливали своим неуклюжим маткам. Постепенно крайне экономно выедали накопленные запасы. Рабочие особи слабели, больше не ворочали спички и листья. Некоторые издохли и были съедены остальными. Однако война за пищу, вопреки ожиданиям мистера Брауна, так и не началась.

Тогда он испробовал другое средство: возобновил поставки сахара, а, кроме того, влил в банку столовую ложку оливкового масла – которое, по мнению Уильяма, должно было представлять для букашек редкое лакомство. Вот теперь ожидания человека оправдались с лихвой: стайка муравьев окружила жирное пятно и отпихивала, отшвыривала от него иноплеменцев, пока несколько букашек таскали в ближайшее укрытие промасленные крупички сахара. «Вот так-то! – отметил Уильям, потирая руки. – А то, понимаешь...»

За мартом пришел апрель – переменчиво сухой и дождливый. Мир бурлил сенсациями, которые вливались в линзы Уильяма Брауна с передовиц газет. На Торонто грохнулся метеор – к счастью, без жертв. В Карибском бассейне открыли нефтяное месторождение, и тамошние карликовые диктатуры сцепились меж собой, под пристальными взглядами авианосцев Дяди Сэма и эсминцев Ее Величества. По никому не нужным странам Африки прокатился никем не замеченный голод... Скука. Уильям с трудом заставлял себя дочитывать статьи. Мокрой губкой заботливо протирал стекло банки, влага оставляла разводы – точь в точь как на окне после дождя. Мистер Браун салфеточкой доводил стекло до идеального блеска, укреплял на носу очки и пускался в наблюдение.

Как общаются между собой букашки? Все акустические версии мистер Браун отверг чисто интуитивно. Просто не верилось, что настолько мелкие существа способны производить слышимые звуки. Язык жестов? В лупу становилась заметна пара усиков на голове каждого муравья, пребывающая в постоянном движении. Усики колыхались, подрагивали, стибались и распрямлялись без видимой цели. Конечно, Уильям не питал надежды расшифровать эту микроскопическую символику. Но сама идея о том, что букашки способны увидеть и понять жест, пришла к человеку по душе.

Он отодвинул лампу от банки, скрестил пальцы рук и принялся манипулировать ими в луче света. На стекло падали причудливые тени: морда лающей собаки, человечек с коляской, летучая мышь. Спустя минут пять Уильям навел рефлектор на муравьиное жилище, чтобы проверить эффект, и довольно хихикнул в усы: множество букашек выбрались из убежищ и расположились на песке головами в его, Уильяма, сторону. Он снова внес ладони в луч света и с удвоенным усердием взялся метать тени на стекло. Его ожидало разочарование: когда вновь пригляделся к содержимому банки, то не увидел на открытом песке ни единого муравья – все ушли в убежища, утратив интерес к театру теней.

«Хм...» – протянул Уильям и прошелся по дому. Сгреб в охапку мелкие и занятные вещицы, какие нашел: блестящее заварочное ситечко, моток ниток с вонзенными в него накрест иглами, свинку из дутого стекла, модель вертолета «Апач», будильник в форме глаза, двухдолларовую банкноту. Расположил все это сценическим полукругом около банки, максимально живописно, с большими интервалами между предметами; осветил лучами ламп.

Спустя час нетерпеливого ожидания Уильям заглянул в емкость. Букашки выбрались из убежищ и взялись за свои повседневные дела: запасали сахар, рыли норки, перетаскивали спички. Но никто из них не проявлял ни малейшего интереса к экспозиции за стеклом. Больше того, если присмотреться, становилось ясно: букашки избегали смотреть в сторону человеческого хлама! Если какой-нибудь муравей замирал хоть на секунду, то всегда – головой к центру банки и задницей к освещенной выставке.

«Ну, нет!» – заявил мистер Браун. Он извлек из рамы свое собственное фото – огромное, по меркам насекомых, шесть на девять дюймов. Гордый мистер Браун в сапогах и охотничьем камуфляже возвышался на фоне двухэтажного дома – вот этого самого, в котором жил. Он прислонил фото к стеклу и обрушил на него струю электрического света. Вышел экран – ослепительный, довлеющий над хрупким муравьиным мегаполисом. С чувством свершенного дела Уильям Браун отправился спать.

Газеты следующего дня пестрели новыми сенсациями. Кажется, было нечто о параллельных мирах или атмосферных аномалиях... Мистер Браун бросил беглый взгляд и заметил лишь то, что исчезли картинки авианосцев. События внутри стеклянной тыквы – вот что было поважнее. Одно из убежищ переместилось! За ночь букашки разобрали его и собрали заново – в противоположном от фотографии конце банки!

«Да вы издеваетесь!» Уильям Браун сунул руку внутрь емкости с порывистым желанием разнести на куски все муравьиные строения... Вдруг остановил себя, отдернул ладонь. Что-то неясное, им самим непонятое, – но остановило. Тогда он разыскал карандаш и воткнул в песок. Минута, другая, третья прошла. Когда первый, самый отчаянный или бестолковый из муравьев, взобрался на жало карандаша, мистер Браун подхватил его и вынес из банки.

Насекомое замерло на грифельном острие в нескольких дюймах от носа Уильяма и уж теперь оно определенно смотрело на человека. У букашки просто не было выбора: Уильям развернул ее усатой головкой к себе. Усики свисали неподвижно. Муравей боялся пошевелиться. Боялся, вероятно, даже вздохнуть – если в остальное время он дышал.

«Ну, как тебе большой внешний мир?» – спросил мистер Браун и опустил муравья на стол. Тот заметался на полированной поверхности. Банка находилась всего в футах от него, но несчастный муравей понятия не имел, как его тесный мирок выглядит снаружи. Он побежал по спирали, все расширяя круги и поминутно замирая в разных положениях – на юг головой, на запад, на восток. По кругу, по кругу, без малейшего намека на направление. Чувства его были очевидны: насекомое мечтало вернуться в банку.

Уильям сжалился над ним и поднес кончик карандаша. В ту же секунду букашка вспрыгнула на жало. «Умный!..» – похвалил Уильям и вдруг, внезапно, им овладело странное чувство: неправильности, уродливости, грешности его действий. Не по отношению к данному конкретному муравью, а вообще. Все, что проделывал мистер Браун с обитателями банки, представилось ему мерзким, приторным злодеянием.

Он бросил карандаш вместе с букашкой на песок, накинул куртку, подхватил стеклянную емкость и вышел в теплый поздне-апрельский лес.

– Ну, потом я отыскал то самое место, где нашел их, раздвинул кусты и положил, значит, банку на бок – так, чтоб муравьи могли выползти. Тепло уже было, так что в лесу они прекрасно обустроились. Больше я их и не видел.

Так заканчивает обычно Уильям Браун свой рассказ, оставляя слушателя во вполне понятном недоумении.

Однако, в реальности, концовка истории была несколько иной. Уильям, действительно, отыскал те самые кусты и, на самом деле, раздвинул их. Меж кустов он увидел туго натянутую паутину. Приседая, чтобы опустить банку на землю, мужчина задел блестящее кружево головой. Паутина порвалась, а вместе с нею – и пространство штата Мэн, США, планета Земля. Гравитация втянула Уильяма в зигзагообразную червоточину. Он судорожно глотнул воздуха, и выдохнул его уже на пятой планете молодой звезды Регул.

Уильям Браун находился внутри. Его окружала, возможно, комната. С той же вероятностью это мог быть и платяной шкаф, и гигантский овощ, и коробка передач. Откуда-то лились лучи некоего цвета. Мистер Браун стоя лежал на твердомягкой поверхности и пытался схватиться за какой-нибудь предмет, но выходило так, что предметы поочередно хватались за него. Органы чувств были столь же беспомощны, как таракан в кармане штанов внутри работающей стиралки. Единственно понятным для Уильяма был воздух: он входил в легкие без боли, а значит, содержал азот и кислород.

– Мы восхищаемся вашей мудростью! – сказал инопланетянин.

Чужаков было двое. Теперь, услышав голос, Уильям смог выделить из фона их фигуры. Они совсем не походили на головастиков. Да и на белковые организмы. Да и ни на что другое, когда-либо виденное Уильямом.

– Ваш поступок станет прекрасным стереотипом для копирования, – сказал второй чужак.

– Эээ... – выдавил из себя человек, все еще пытаюсь схватиться.

– Очень мудро и дальновидно, что вы решили убрать синкретическую управляющую модель с вашей планеты, – сказал первый инопланетянин.

– Ее присутствие в вашем мире, – добавил второй, – создавало бы рекурсивный парадокс и было бы жестоким преступлением против законов логики и физики.

– Ага...

– Мы пока не установили, кто и почему оставил модель на Земле, но его поступок будет наказан, – изрек первый.

– На нашей планете такое карается заключением в пространство пониженной мерности, или же отсечением интуиции, по выбору судьбы, – строго отметил второй.

– Итак, позвольте, мы примем у вас синкретическую модель!

Второй чужак приблизился к Уильяму и взял некими частями тела банку с муравьями.

– Мы были бы счастливы отблагодарить вас, – вымолвил первый, – но боимся унизить вашу мудрость своей благодарностью.

– Ну, да, – буркнул Уильям, украдкой оглядываясь по сторонам.

– Мы позволим себе лишь предложить вам небольшой сувенир, – проговорил второй чужак и выдвинул из части тела прямоугольную коричневую коробочку. Мистер Браун с неммым восторгом схватил сувенир: тот имел строго определенную форму и понятный цвет.

– Не желаете ли осмотреть нашу планету? – поинтересовался первый.

– Время... нету... – промычал Уильям, мечтая лишь об одном: оказаться на Земле.

– Что ж, разумно, – согласился чужак, – ваш организм не имеет лифузорной системы, так что здешняя химентация может нанести вам вред.

– Прошу вас, – сказал второй и частью тела указал направление.

Справа сверху от себя Уильям Браун увидел паутину. С замиранием сердца тут же ткнул в нее рукой и прорвал пространство. Давление гравитации вытолкнуло его в червоточину, и, спустя вздох, он стоял на коленях среди кустов в лесу штата Мэн, мычал и выхаркивал желчь. Вокруг носился обезумевший от счастья Казак и лизал хозяина то в лоб, то в затылок.

Только вернувшись домой, Уильям Браун открыл коробочку с регуланским сувениром. Внутри оказался крупный жук, похожий на майского, застывший в стеклянистой капле смолы.

Мистер Браун не решился выбросить сувенир, а тем более – уничтожить. Все-таки эта вещь проделала семьдесят семь световых лет... Он отнес коробочку с жуком в подвал, сунул в давнюю выемку в стене, заложил кирпичом и больше никогда не смотрел на нее. Это была самая страшная штука, которую Уильям когда-либо видел.

Новая

Прошлое... а может, будущее

Компонента В двойной звезды Каппа Лебеда вспыхнула и стала новой.

По странному стечению обстоятельств это не обрадовало ни одну из шести разумных рас, обитавших в системе Каппы Лебеда.

На жаркой планете Каппа Лебеда 1 обитала очень жизнеспособная раса Приманов. Разум каждого Примана был распределен равномерно по всем клеткам тела, поэтому Приманы умели очень быстро, а главное – разумно адаптироваться к любым условиям. Так что их не смущала ни атмосфера родной планеты, состоявшая на треть из соляной кислоты, ни средняя температура воздуха, превышавшая точку кипения свинца, ни сильные весенние ветры, вызывающие сдвиги горных массивов – ко всему этому Приманы адаптировались. Однако во сне Приманы адаптироваться не умели, поэтому им приходилось спать в глубоких пещерах, куда не проникали ни ветра, ни свет звезды.

Когда В Каппа Лебеда начала раскаляться, Приманы заметили, что даже в глубоких пещерах им не удастся уснуть. И это было неудивительно, ведь верхние 200 метров коры планеты уже испарились, и глубокие пещеры стали простыми канавами на поверхности. Тогда Приманы вырыли очень глубокие пещеры, но и там вскоре стало неуютно, когда из глубоких пещер в очень глубокие начала затекать лава. Тогда Приманы вырыли совсем-совсем глубокие пещеры, но и в них было неприятно жарко – потому что совсем-совсем глубокие пещеры граничили с ядром планеты.

И решили Приманы пойти по старому проверенному пути – адаптироваться! А поскольку звезда вряд ли останется такой горячей надолго, то и адаптироваться можно на короткий срок – максимум лет на тысячу. Недолго думая (поскольку долго думать не оставалось времени), Приманы зарылись в землю (точней, в ту часть земли, которая еще не расплавилась), создали вокруг себя ничем-не-проницаемые все-отражающие коконы и впали в анабиоз. Одно беспокоило их: как же они поймут, когда выходить из анабиоза? Не останутся ли навеки запечатанными в коконах? Чтобы поразмыслить об этом как следует, Приманы сохранили сознание в анабиозе и внутри коконов продолжали думать.

За первое столетие они приспособились телепатически контактировать друг с другом и избавились от скуки.

За второй век они развили сверхчувства и научились сквозь кокон видеть и слышать происходящее вокруг.

За третье столетие лет они приобрели способность выходить в астрал, а за четвертое посетили своими астральными телами все планеты звезды В Каппа Лебеда и принялись за соседние звезды.

За последующие триста лет Приманы познали смысл жизни.

Оказалось, что смысл их жизни никак не связан с положением физического тела. Поэтому они так и остались жить в анабиозе внутри коконов.

Тем временем В Каппа Лебеда остыла и превратилась в белый карлик, кора первой планеты сперва сжижилась, затем загустела, затем отвердела. Под сотнями километров стеклянистой силикатной массы лежат вплавленные в скалу миллионы ничем-не-проницаемых коконов. В них хранятся существа, которые знают смысл жизни.

На рыхлой планете Каппа Лебеда 2 жила отсталая раса Секундов. Секунды ничего не знали об астрономии и поэтому не удивились, когда они сами и все живые существа на их планете внезапно вымерли от ужасного холода. А между тем, это был астрономический парадокс – ведь как может быть холодно на планете, рядом с которой взорвалась новая звезда?!

На благодатной планете Каппа Лебеда 3 проживала интеллектуальная раса Терциев. Они давно наблюдали за звездами, так как знали, что это развивает интеллект. Задолго до вспышки они поняли, что В Каппа Лебеда взорвется и превратится в новую. Терции рассудили, что после этого на их планете станет так жарко, что не останется никакой возможности вести интеллектуальную деятельность, и раса наверняка деградирует. Чтобы сохранить свои познания для потомков и не начинать развитие расы с нуля, Терции построили космический флот, загрузили его пищей, водой, воздухом, топливом, техническими новинками, экспериментальными установками, лабораториями, учебной литературой и, конечно же, базой данных всех познаний своего народа. После погрузки всего этого на борту кораблей осталось место лишь для нескольких сотен Терциев. Эти несколько сотен были отобраны посредством тщательного анализа интеллектуального потенциала. Затем флот стартовал и отправился за пределы системы В Каппа Лебеда.

На протяжении тысячелетия сотни достойнейших Терциев, а затем их потомки, а затем потомки потомков путешествовали в вакууме. Они жили надеждой на то, что хотя их раса на родной планете, несомненно, деградирует за время катастрофы, спустя века космонавты вернутся и обучат сородичей, восстановят цивилизацию и продолжат победоносное движение научной мысли.

Тем временем Терции на Каппе Лебеда 3 изнемогали от страшной жары. Их планета находилась довольно далеко от звезды, поэтому грунт не расплавился, а океаны не испарились, но начали кипеть. Рыба, млекопитающие и птицы вскоре вымерли, а Терции, укрывшиеся в убежищах, всерьез встретились с проблемой пропитания. На планете не осталось животных белков, зато в избытке было солнечной энергии, воды и органических удобрений, оставшихся от вымерших существ. Наверняка существовала реакция, позволяющая превратить все это в пищу. Если бы Терции еще были способны размышлять, они нашли бы эту спасительную реакцию и создали бы машины, производящие еду. Но в такой жаре думать было совершенно невозможно. Оставалось довериться инстинктам...

Спустя тысячу лет космонавты-просветители вернулись на планету Каппа Лебеда 3. За пару недель они истребили множество странных мигрирующих растений, которые, согласно древним книгам, не входили во флору планеты и были инородными организмами. Очистив планету от назойливых многоногих кустов, космонавты принялись за поиски своих соплеменников.

На планете Каппа Лебеда 4 обитала техногенная раса Квартов. Превращение звезды в новую угрожало Квартам серьезнейшим экономическим кризисом, так как их энергетика радикальным образом зависела от сверхпроводников, а те, несомненно, потеряют свои свойства при нагреве атмосферы планеты. И это не говоря уже о массовых поломках криогенных суперкомпьютеров. Так что за 50 лет до взрыва звезды Кварты разработали план решения проблемы.

Для начала они соорудили молекулярный дезинтегратор, способный разобрать на молекулы любое тело. С его помощью Кварты разобрали на молекулы тяжелую железную планету Каппа Лебеда 5. Образовавшееся облако железной пыли они раскрутили вихревым магнитным полем наподобие волчка и направили в сторону звезды. По пути к звезде железное облако пересекло орбиту Каппы Лебеда 2 и было захвачено полем тяготения этой планеты. На протяжении трех лет облако вращалось вокруг второй планеты, постепенно сгущаясь. Через 3 года

оно сгустилось настолько, что лучи звезды перестали проникать сквозь облако. В это время, так и не удивившись, вымерли от холода Секунды. Через 4 года облако сгустилось еще больше и начало касаться поверхности Каппы Лебеда 2. Огромный импульс вращения передался планете, та стала вращаться быстрее и быстрее. Центробежная сила раздула рыхлую сердцевину планеты, и в глубине ее образовалась полость, а снаружи планету покрыла стокилометровая железная корка.

Кварты сочли, что полость внутри Каппы Лебеда 2 – достаточно безопасное место для функционирования сверхпроводников и криогенных компьютеров, и переселились туда. Единственным подходящим местом для входа в планету был ее полюс – остальная поверхность оказалась слишком толстой и прочной. Залетев во внутреннюю полость, Кварты тщательно заделали за собой отверстие, чтобы тепло звезды не проникало внутрь Каппы Лебеда 2. Поскольку большинство обывателей привыкли к солнечному свету, Кварты разместили в центре планеты небольшую искусственную звезду, аналогичную по спектру природному светилу. Затем они установили на внутренней поверхности жилые кварталы, синтезаторы пищи, электростанции, легкие заводы, средние заводы и тяжелые заводы. При установке тяжелых заводов балансировка планеты нарушилась, и ось вращения сместилась. Составленные до этого геомагнитные карты оказались неверны, и выход из полости был утерян. Вскоре после этого среди Квартов родился мыслитель, который смог исчерпывающе объяснить строение Вселенной. Согласно теории, Вселенная представляет собой идеальную сферу и обращается вокруг единственной звезды. Поскольку выход из планеты так и не нашли, теория оказалась неопровержимой.

Тяжелую железную планету Каппа Лебеда 5 населяла суеверная раса Квинтов. Когда звезда на небе стала ярче, а потом еще ярче, Квинты увидели в том недобрый знак – поскольку обладали способностью во всем видеть недобрые знаки. Тогда рядовые Квинты вознесли мольбы сельским шаманам, сельские шаманы вознесли мольбы могучим шаманам, могучие шаманы – верховным шаманам, а верховные шаманы – Премудрому Архишаману. Премудрый Архишаман впитал энергию мольбы рядовых Квинтинов, сельских шаманов, могучих шаманов и даже верховных шаманов, спроецировал эту энергию в космические сферы, вышел в астральное тело, взглянул третьим глазом на звезду, которая стала ярче, и сообщил: «Это недобрый знак!»

В следующую минуту Каппа Лебеда 5 внезапно распалась на молекулы.

Большинство Квинтов также распались на молекулы, причем некоторые успели перед этим просветлеть, а иные – даже впасть в нирвану. А Премудрый Архишаман так и остался существовать в астральном теле. Какое-то время он одиноко странствовал по астралу системы В Каппа Лебеда, но спустя триста лет встретился с астральными проекциями Приманов, которые как раз приспособились покидать свои физические тела.

Премудрый Архишаман научил их открывать чакры, видеть третьим глазом, ловить вибрации космоса и впасть в нирвану. Вскоре после этого Приманы открыли смысл жизни и очень уважали Архишамана. Чтобы стать еще больше уважаемым, Архишаман прибавил к своему титулу эпитет «Пресветлый». Он хотел было провозгласить себя богом, но слово «бог» короче и невзрачней, чем «Премудрый и Пресветлый Архишаман», так что решил воздержаться.

На компоненте В двойной звезды Каппа Лебеда жила бесхитростная раса Нулларов. Это были довольно маленькие существа. Они не боялись жары, которая царила на звезде – поскольку тепловые, видимые и ультрафиолетовые волны огибали их тела. Наибольшую угрозу представляли для Нулларов быстрые ядра гелия, которые могли лишить их сознания, переломать кость или даже убить. Но Нуллары очень быстро учились, и те, кто дожил до возраста восьми секунд, уже умели пропускать ядра сквозь свое тело безо всякого вреда. Питались они

только мягким рентгеновским излучением длиной волны в 14 ангстрем, поскольку желудок взрослого Нуллара имел как раз такой размер.

Когда звезда начала нагреваться перед вспышкой, Нуллары смекнули, что после взрыва она превратится в белого карлика, термоядерная реакция прекратится, радиация исчезнет, и раса вымрет от голода.

Голос среднего Нуллара слышен в радиусе 300—400 микрон, поэтому Нуллары редко общались друг с другом (кроме, конечно, родственников и самых близких друзей). Зато они были довольно простыми существами, мыслили практически одинаково и все одновременно пришли к одному и тому же решению. Каждая семья насобираала по миллиону протонов и четыре миллиона нейтронов. Складывая протоны плотненько друг к другу и щедро перекладывая их нейтронами, каждая семья вылепила себе по большому атому в форме лодочки. Когда звезда взорвалась, ударная волна выбросила Нулларов во все стороны, и в своих лодочках они отправились в полет по галактике, ведомые силой инерции.

Поскольку полет до ближайшей плодородной звезды мог занять несколько тысяч лет, а энергии в желудках Нулларов хватило бы максимум на 4 секунды, то они соорудили на своих атомах-лодочках очень простые устройства. Эти устройства состояли у талантливых семей из 146-и частиц, а у бездарных – из 232-х, и выполняли очень простую функцию: ускоряли время. Большинство семей, едва столкнувшись с какой-нибудь звездой, тут же выключили устройство и через несколько десятых долей секунды после взрыва уже праздновали новоселье. Но один очень амбициозный род вознамерился добраться до богатого звездами центра галактики и создать там Великую Империю Нулларов. Им пришлось настроить устройство на такое ускорение времени, что за одну миллисекунду пролетало пятьдесят тысяч лет. Обычные звезды они миновали так быстро, что даже не замечали вспышек света. Сквозь ядра нейтронных чудовищ они пролетали с такой скоростью, что гравитация не успевала захватить их. И даже черные дыры не могли задержать лодочку с амбициозным родом Нулларов, потому что при такой скорости сама лодочка тоже была черной дырой. Спустя полсекунды глава семейства увидел яркий свет и выключил устройство. Но за время, пока он жал на выключатель, центр галактики успел сдвинуться, и Нуллары оказались в десятке световых лет позади него. В досаде глава семейства вновь врубил ускоритель времени и принялся ждать, пока на горизонте не появится другая галактика, у которой тоже будет богатое ядро, в котором можно будет основать Великую Империю.

Но амбициозному семейству не везло – видимо, это были темные секунды их жизни. Они пролетели между ветвей одной галактики, затем параллельно плоскости эклиптики другой, затем через темную область третьей, затем точно между четвертой и пятой, затем... Словом, миновав несчетное множество галактик, семейство Нулларов так и не попало ни в один из их центров. Изрядно проголодавшись, они решили: черт с ним, влетим в ближайшую галактику и сядем на первой попавшейся звезде. Решив так, начали постепенно замедлять время и тормозить, и окончательно затормозили на очень знакомой звездочке со старым добрым излучением в 14 ангстрем. Тут же семейство окружили другие Нуллары и закричали от радости, и прибывшие наверняка оглохли бы, но к счастью они слышали только самую ближнюю часть толпы – ту, что была не дальше 400 микрон.

Тогда глава амбициозного семейства запрыгнул на мачту своей лодочки и закричал: «Я раскрыл тайну строения Вселенной! Мы все время летели в одну и ту же сторону по прямой, но вернулись обратно к вам! Это значит, Вселенная имеет форму сферы! Мы проделали долгий путь и совершили грандиозное открытие! Это даже лучше, чем основать Великую Империю!»

А местные Нуллары засмеялись и сказали: «Тоже мне, открытие! Ты посмотри вокруг и сразу увидишь, что Вселенная имеет форму сферы. Незачем было летать в такую даль».

Глава семейства посмотрел вокруг и увидел, что Вселенная и вправду сферическая. Посередине звезда, а вокруг – сфера, а на ней какие-то странные существа строят жилые кварталы, синтезаторы пищи, электростанции, легкие заводы, средние заводы и тяжелые заводы.

Поразительно, что всего этого могло бы и не случиться, если бы один боцман не увлекся культуризмом.

За 85 лет до вспышки мимо В Каппа Лебеда пролетала средняя баржа грузового флота расы Экстерналов. Вечером за игрой в крумкель штурман несколько перебрал хармива, и проложил курс слишком близко к звезде. На следующий день привычный завтрак экипажа, состоящий из проснипченных квартунов, был прерван сигналом тревоги. Несмотря на скромный вес баржи – всего 65 мегатонн плюс 120 мегатонн груза – двигатели не справлялись с гравитацией светила, траектория полета все больше искривлялась.

Согласно принципу многоначалия, капитан тут же посоветовался с командой. Послышались предложения:

- Оторвать гойца штурману!
- Нет, нужно уменьшить вес!
- Съедем груз!
- Выпьем все хармиво!
- А может, сыграем в крумкель напоследок?
- Точно, а потом выпьем все хармиво!
- ...и съедем груз!
- ...и штурману гойца оторвем!

Не высказался лишь один член экипажа – боцман. Не высказался он потому, что в кают-компании его в тот момент не было. Капитан отправился на поиски и обнаружил боцмана в трюме. Боцман качал бицепсы, расположившись так, чтобы гравитация звезды увеличивала вес штанги.

– Где ты взял штангу, фаскундель этакий! – взревел капитан, и гнев его был оправдан: превышение веса личного багажа даже на десять килотонн было тяжким нарушением устава.

– Сбрасывай блины! – приказал капитан.

Боцман отчаянно сопротивлялся. Ныл о том, в какое катастрофическое состояние придет его тело за следующие два года полета без штанги; кричал, что только в здоровом теле может обитать здоровый дух; даже высказался на тему Декларации о правах Экстернала.

Тем временем пятый ускоритель астматически кашлянул и заглох. Баржа угрожающе накренилась, из иллюминаторов пахло жаром звезды. Выбора не было – боцман снял со штанги сперва четыре десятикилотонных блинчика и вышвырнул в воздушный шлюз. За ними последовали шесть тридцатиклотонных дисков, а затем – два тяжелых стокилотонных блина. Когда не помогло и это, капитан вырвал из рук боцмана двухсоткилотонный гриф и швырнул в шлюзовую люк. Следом за блинами, гриф унесся к поверхности В Каппы Лебеда.

В следующую минуту баржа выровнялась и, медленно набирая скорость, легла на прежний курс.

Боцман заперся в каюте на трое суток и не выходил до тех пор, пока не придумал, как помочь своему горю. Он тайком отвинтил от стены аварийный реактор и принялся качаться им. Благо, реактор имел удобную цилиндрическую форму, а провода, ведущие к нему, были достаточно длинными и гибкими. Штурман стал жестоко ограничивать себя в потреблении хармива и впредь никогда не пил больше пятисот кубометров за вечер. Капитан доставил груз по назначению и получил в благодарность талон на поедание двух процентов груза. А штанга боцмана пронизала атмосферу звезды, по инерции проткнула фотосферу и кору и попала прямо в ядро. Там она, разумеется, расплавилась. Получив прибавку в массе, звезда подтянула к себе шлейф водорода, струящегося с крупной компоненты А. Впитывая вещество соседки,

звезда становилась тяжелее и тянула к себе все больше и больше водорода. Спрессованный до триллионов атмосфер газ разогрелся и спустя 85 лет вспыхнул термоядерной реакцией. Звезда взорвалась вспышкой адского пламени и превратилась в новую.

Один британский астроном в 19 веке заметил эту вспышку, но принял ее за фосфоресцирующую мошку на зеркале телескопа.

Полезное качество

Наше время...

...каким оно виделось годах в шестидесятых

Лондонская рейсовая ракета опустилась в посадочную воронку, изрыгая голубые струи пламени. Система ионных газоотводов быстро очистила воронку от раскаленного газа, и швартовочная кишка протянулась от здания терминала к шлюзовому люку ракеты. Через кишку в зал прибытия, слегка толпясь и неуклюже подсакивая от малого тяготения, начали пробираться пассажиры. Это была веселая, галдящая толпа туристов в пестрых трико или туниках. Они держали наготове огромные фотоаппараты и удивленные глаза – так, чтобы иметь возможность немедленно удивиться любой встреченной диковинке и тут же заснять ее. Наибольший восторг сейчас вызывала у туристов, конечно же, слабая гравитация и неоновая надпись, сияющая с потолка зала: «Добро пожаловать на Луну – дом Великого Матриката!» Несколько приезжих попытались допрыгнуть до надписи, а другие фотографировали их, яростно сверкая вспышками.

Один из пассажиров ракеты очень выделялся на фоне этого шумного общества. Он шел мягкой, расслабленной походкой, без дурацких подскоков, а на лице имел выражение скучающего равнодушия человека, повидавшего не только Луну, но и жизнь вообще. Одет он был в черные кроссовки, джинсы и не менее черную майку, поверх которой был накинут темно-серый плащ. Под майкой на груди мужчины проступала неплохо развитая мускулатура, подбородок оброс щетиной, на плече висела спортивная сумка. В целом, человек этот выглядел сомнительным субъектом, так что таможня пропустила его почти без расспросов: ведь известно, что настоящие сомнительные субъекты обычно маскируются под уважаемых джентльменов.

Миновав таможенные стойки, мужчина осмотрелся. Вынул из кармана и бросил в рот жвачку, помогающую отвыкнуть от еды. Затем расстегнул сумку, извлек лист бумаги с надписью: «Встречаете Фрэнка Девиса? Вам ко мне», и помахал им над головой.

От блестящей металлом группы роботов-проводников, ожидавших гостей Луны, отделился один и подошел к мужчине. Подошел – не вполне верное слово здесь: на самом деле, робот катился на колесиках, вделанных в ступни, и ноги его не отрывались от пола. Однако он поочередно выставлял вперед то правую ногу, то левую, старательно имитируя ходьбу.

– Приветствую вас! Добро пожаловать на Луну, родину Великого Матриката! – произнес робот.

Голос был глубокий, звучный и с первого слова внушал доверие. Очевидно, резонаторы располагались не в горле, а в широкой груди робота – качественная конструкция, без глупой экономии. Да и внешность робота также располагала к себе: отполированный хромированный корпус, руки на добротных немецких шарнирных суставах, большие зрачки-объективы, придающие выражение искренности, а инкрустацией более темного металла вырисованы дружелюбные морщинки в уголках рта, брови и лучики от глаз. От робота исходил легкий аромат дорогого масла.

Однако мужчина окинул робота весьма подозрительным взглядом и спросил:

– Ты, значит, мой проводник? Ума у тебя для этого хватит?

– Сэр, – прогудел робот, – я одна из наиболее интеллектуальных моделей робопроводника. В мою программу заложены оптимальные способы поведения в двенадцати тысячах ситуаций.

– Не маловато ли? – скептически повел бровью приезжий.

– Заверяю вас, более чем достаточно! Средний человеческий индивид на протяжении жизни попадает не больше чем в полторы тысячи ситуаций, причем если отбросить всевозможные игры, то реальных ситуаций останется меньше семисот.

– Хм. Откуда ты такой умный?

– Видите ли, сэр, возможность производить очень умных роботов – одно из преимуществ лунной жизни. Благодаря малой гравитации мои ноги способны нести на себе намного больший запас знаний, чем у земных моделей.

Робот с гордостью похлопал себя по крупному ранцу за плечами. Внутри ранца с тихим пощелкиванием вращались катушки перфолент.

– Ммм... – проворчал мужчина и перебросил языком жвачку за другую щеку. – Но я заказывал робота с чувством юмора. У тебя имеется?

– Да, сэр.

– Докажи.

– На Марсе напечатали подробную карту галактики. Список обозначений не влез – пришлось разместить его на Меркурии.

– Старенькая шутка. А что-то поновее?

– Бей бобров – спасай деревья.

– Более-менее, но многовато природы. Оторвано от жизни.

– Сэр, если вы ищете кладезь шуток – прочтите теорию Дарвина.

Человек улыбнулся.

– Неплохо. Ты мне подходишь. Зови меня мистер Девис.

– Очень приятно, сэр. А я – Фитцджеральд Сто Тринадцать. Можете звать меня любым слогом моего имени.

Мистер Девис сказал после секундного размышления:

– Знаешь что, лучше зови меня Фрэнк. Тогда мы будем хорошей командой. Фрэнк и Фитц – неплохо, а?

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.